

Анатолий Дроздов

**ИНТЕНДАНТ
ТРЕТЬЕГО РАНГА**

Интендант третьего ранга

Анатолий Дроздов

Интендант третьего ранга

«1С-Публишинг»

2008

Дроздов А. Ф.

Интендант третьего ранга / А. Ф. Дроздов — «1С-Публишинг»,
2008 — (Интендант третьего ранга)

Август 1941 года. Вал наступающих немецких армий неудержимо катится к Москве. В тылу вермахта остался сельский район, где только что отгремели бои, и на поле сражения лежат неубранные тела убитых красноармейцев. Население растеряно. В этот момент здесь появляется наш современник, житель сытой, еще не затронутой кризисом Москвы. Он оказался в прошлом случайно и в любой момент может возвратиться домой. Но это означает бросить в беде людей, которые на пришельца надеются, в него верят и даже успели полюбить...

Содержание

1	5
2	13
3	20
4	28
5	36
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анатолий Дроздов

Интендант третьего ранга

1

Пахло прелью. Стыло и противно, как после нудного ночного дождя, насытившего влагой не только землю, но и воздух, стены домов, выгнавшего из газонов миллионы червей, которые укроют тротуар плотным ковром; старайся – не старайся, все равно будут мерзко трещать под подошвами...

Но червей не было. Не было и тротуара, город пропал – Крайнев стоял на поросшей травой малоезженной лесной дороге. Здесь тоже прошел дождь, трава была мокрой, повисшие на ней капли сияли в солнечных лучах, пробивших кроны придорожных берез и сосен. Запах прели исчез, воздух был напоен ароматом смолы и хвои. Крайнев осмотрелся. По дороге недавно прошли или проехали: капли на траве, росшей вдоль колеи, были сбиты, темный след пропадал за близким поворотом. Густой куст лещины закрывал дорогу далее, но за поворотом кто-то был. Крайнев слышал голоса – громкие, но не отчетливые: за поворотом что-то происходило, и происходило нехорошее. Крайнев сделал шаг и остановился, томимый предчувствием. Ему не следовало туда идти. Совершенно не следовало. Это не его дело. Надо сойти в сторону, затаиться за кустами и подумать, где это он и как вообще здесь оказался? Так будет правильно. Так по уму...

Невдалеке слышались легкие шаги, и Крайнев понял, что не успеет спрятаться. Его увидят, если еще не увидели. Страх затопил его сверху донизу, перехватил горло, сделал тяжелыми ноги... Он замычал от ужаса – и очнулся.

Он сидел в кресле за письменным столом, перед ним светился прямоугольник монитора: среди водорослей и гротов виртуального аквариума плавали виртуальные рыбы. Привиделось... Крайнев вздохнул и придвинул папку с отчетом...

Час спустя он отложил папку и тронул кнопку вызова делопроизводителя. За дверью застучали каблучки, и в кабинет впорхнула блондинка в мини-юбке. «Маша, ее зовут Маша», – вспомнил Крайнев, хмуро глядя на новенькую. Неделию назад управление кадров выпроводило на пенсию Олимпиаду Григорьевну, его прежнего делопроизводителя, толковую и надежную, как автомат Калашникова. Так считал Крайнев. У кадровиков было иное мнение – они бывали на семинарах по управлению персоналом, где постигали заграничный опыт... Олимпиаду отстоять не удалось. Вместо нее прислали Машу. Факультет иностранных языков, курсы делопроизводства и папа – чиновник средней руки в небольшом, но очень важном ведомстве. Крайнева настоятельно просили Машу не обижать.

– Вызывали, Виктор Иванович? – спросила Маша, улыбаясь.

«Нет, просто так кнопку жал!» – хотел сказать Крайнев, но промолчал. Молча сделал приглашающий жест. Маша процокала к столу и склонилась к начальнику. Крепкий запах дорогих духов обдал Крайнева, молочные полушария Машиной груди едва не вываливались из глубокого выреза. Крайнев торопливо двинул к ней папку.

– Отнесите Пищалову.

– Что передать? – Маша многообещающе улыбалась.

– Ничего.

Маша недовольно прижала папку к груди и зацокала к дверям. Юбка, едва прикрывавшая ягодицы, давала возможность оценить длину ее ног.

– Пойдите! – не сдержался Крайнев. Маша повернулась к нему, вся в ожидании. – Когда с вами заключали контракт, предупреждали о дресс-коде?

Маша кивнула.

– Почему не соблюдаете?

Маша потупилась.

– «Служащий банка всегда выглядит по-деловому и аккуратно, – злорадно процитировал Крайнев. – Женщинам рекомендован строгий костюм, блузка не должна иметь глубокого выреза, а юбка – быть слишком короткой...» Возьмите памятку, которую вам вручили в управлении кадров, и перечитайте. Рекомендую выучить. Инструкции надо знать...

Маша выскочила из кабинета начальника пунцовой.

– Зануда! – сказала, бросая папку на стол Пищалову.

– Иваныч? – улыбнулся Пищалов. Он придвинул к себе папку и, быстро пробегая листы взором, стал перебрасывать их влево.

– Юбка моя ему не нравится! – не унималась Маша. – И декольте...

Пищалов скользнул взглядом за вырез блузки делопроизводителя и с трудом отвел глаза. «Да уж...» – мысленно вздохнул он, продолжая листать отчет. И вдруг замер. Одна из цифр в правой колонке была жирно отчеркнута.

– Блин!

Пищалов схватил мышку компьютера и защелкал ею, открывая файл. Ровные столбцы «икселя» плавно сменялись на дисплее монитора.

– Вот! – Пищалов горестно застонал. – Ошибка в переменной... Как он это чувствует? Ведь не видел исходных цифр...

– Я, может, для него так оделась! – гнула свое Маша.

– Зря... – рассеянно заметил Пищалов, стуча по клавиатуре. – Иваныч – человек строгих правил. Приучили в армии...

– Он был военным? – удивилась Маша.

– Пять лет. Капитан запаса.

– О-о! – глаза Маши округлились. – Спецназ?

– Военный финансист. Тот же бухгалтер, только в погонах.

– У-у-у... разочарованно протянула Маша.

– Что «у-у-у»? Комдив рыдал, когда Иванович отказался продлять контракт.

Пищалов сказал это так, что стало ясно: комдив, конечно же, не рыдал, но был расстроен.

– Ну? – удивилась Маша.

– Баранки гну! – сердито отозвался Пищалов, включая принтер. – Видишь? – он указал на папку. – Он и в армии так. Каждую цифру нюхом чует. Гений! Сколько инспекций в дивизию приезжали – голяк! Рупь к рублю! Зубами скрежетали...

– Вы много о нем знаете!

– Койки в училище рядом стояли. Потом часть. Служили два товарища в одном и том полке... – фальшиво пропел Пищалов и умолк, поняв, что Маша этот фильм не видела. – Только я в капитаны не вышел. Старлей.

– Почему вы его по отчеству? Если вместе служили...

– С училища пошло. Серьезный парень.

– Ну?! – Маша облокотилась на стол, придвинувшись почти вплотную к Пищалову. Тот в очередной раз нырнул взглядом в ее вырез и сглотнул.

– Тебе лучше его не злить.

– Подумаешь!..

Маша повернулась и пошла к своему столу. Пищалов проводил ее заинтересованным взглядом.

«Ишь, задом вертит! – подумал он. – И эти сиськи... Двух слов связать не может, все «ну» да «у-у», а судит! Не дай бог, Витя на нее упадет! Высосет все! Жизнь ломает...» – Пищалов остановил взгляд на обручальном кольце и вздохнул...

Въезд во двор преграждал вагончик с надписью «Городские электросети». Крайнев про-сигналил. Из-за вагончика показалась фигура в спецодежде, недружелюбно глянула в его сто-рону и скрылась. Но вагончик медленно двинулся и откатился на пару метров, освобождая дорогу. Крайнев тронул педаль газа и, проезжая, заметил, как трое рабочих суетятся у откры-того люка, заталкивая вниз толстый силовой кабель. «Опять кому-то напряжения не хватило, – подумал он. – Что на этот раз? Бассейн с подогревом? Или ночной клуб в квартире? Совсем ошалели, уроды...»

Крайнев припарковал микровэн на единственном свободном месте у дома и вышел наружу. Среди дорогих автомобилей, стоявших вдоль «сталинки», его букашка смотрелась гадким утенком. Соседи, разъезжавшие на сараеобразных внедорожниках или юрких спорт-карах, посматривали на Крайнева презрительно. Он не обращал внимания. Крайнев не ува-жал пустых людей, а нувориши, сменившие прежних жильцов его дома, большей частью были именно такими. Один, едва поселившись, пришел к Крайневу и ультимативным тоном потре-бовал продать квартиру. Одной нуворишу было мало, он собирался объединить две и тем самым утереть нос остальным жильцам. Новый сосед держался нагло – по всему было видно, что просто так не отвяжется.

– Пять миллионов долларов! – спокойно сказал Крайнев.

Сосед хватил ртом воздух и побагровел.

– За маленькую трешку с проходными комнатами?!.

– Я владелец этой квартиры и вправе назначить цену, какую пожелаю, – холодно заметил Крайнев. – Если вы не в состоянии заплатить, зачем беспокоите?

В руках он как раз держал «Уолл стрит джорнал», оригинальную англоязычную версию, сосед бросил взгляд на заголовок газеты и ничего не ответил. С той поры он учтиво здоровался с Крайневым – очевидно, подозревая в нем тайного мультимиллионера. Крайнев вежливо кла-нялся в ответ. На том их общение и заканчивалось.

Квартира досталась Крайневу от родителей, вернее – бабушки. Сначала в ней жила бабушка с мужем, заместителем министра, затем бабушка с мамой, отец появился позже. Роди-тели Крайнева работали переводчиками в издательстве. Своего единственного сына они обо-жали и с детства учили языкам: отец говорил с ним только по-английски, мать – по-немецки. Только бабушка предпочитала русский, ворча, что у ребенка от этих выкрутасов случится неладно с головой. Неладно не случилось: у маленького Вити оказалась замечательная память, к пяти годам он отлично болтал на всех языках, в семь его отдали в специализированную школу, где на уроках иностранного он учился по отдельной программе, чтоб не скучать среди безнадежно отставших сверстников. В двенадцать Витя осиротел: самолет, на котором роди-тели летели в санаторий, разбился. Те дни навсегда врезались Крайневу в память: много посто-ронних людей в квартире, цветы и венки под увеличенными портретами папы и мамы, какие-то речи строгих мужчин и горькие слова женщин, перемежаемые всхлипываниями... Гробов не было. Месяц спустя доставили две урны, которые они с бабушкой отвезли в колумбарий. Витя почти не плакал, как и бабушка – они просто окаменели на время. Потом жизнь стала налаживаться, хотя радости и счастья, как было до катастрофы, в ней случалось мало. С тех пор, как умерла бабушка, стало и того меньше...

Крайнев бросил ключи на столик в прихожей, переоделся и прошел в кухню. В морозиль-нике он перебрал пакеты с готовыми блюдами, выбрал куриную грудку с зеленым горошком, сунул ее в микроволновую печь и включил телевизор. За ужином он просмотрел выпуск ново-стей, хмыкнул, услышав об очередном падении фондовых индексов, и отправился в зал. Там сел к компьютеру и открыл биржевые сводки. Это не входило в круг его обязанностей, но цифры,

которые сейчас выстраивались на экране, со временем появятся в отчетах, а отчеты проверит внутренний аудит, то есть Крайнев... Он помнил котировки за несколько лет – будь то цены акций или металлов, и оправдать потери, сославшись на предшествовавшую дню заключения сделки или более свежую котировку, в банке не удавалось никому.

Рано потеряв родителей, Крайнев пристрастился к чтению. Когда сверстников водили в цирк или театр, подросток Витя сидел за книгами – библиотека в доме оказалась богатой. Уже тогда он обнаружил, что сходу запоминает цифры, текст и рисунки; он легко мог воспроизвести их потом на бумаге – даже год или два спустя. Учился он легко, как в школе, так и в военном училище. Особенно любил его преподаватель тактики. Наука побеждать не считалась важной в училище войск тыла. Курсанты прекрасно понимали, что их будущее оружие – калькулятор, а не танк или автомат. Крайнев, знавший назубок тактико-технические данные российской и иностранной техники, ходил у «тактика» в любимчиках. К тому же отличник-курсант метко стрелял, уверенно анализировал ошибки в обороне или наступлении и выказывал находчивость в решении неожиданно поставленных сложных задач.

– Тебя бы в строевики! – вздыхал «тактик» после его докладов. – Генерал пропадает! Зачем такого к бумагам?..

Крайнев отмалчивался. Еще в училище он решил: в армии не останется. Страна, которую люди в форме столько раз спасали от беды, перестала относиться к ним с уважением. Офицеры ютились в разваливающихся домах, их денежного довольствия не хватало, чтоб содержать семью, телевидение и газеты воспевали тех, кто больше наворовал. Героями фильмов стали бандиты. Международные и отечественные организации боролись за права заключенных, за улучшение условий их содержания. Крайнев пять лет жил в старом, продуваемом ветрами бараке с удобствами во дворе, и никакие общественные организации это не волновало. Барак именовался «офицерским общежитием», зимой в нем было жутко холодно, а летом душно. Не голодал он только благодаря охоте. Тайга начиналась сразу за забором, на дивизионном складе было полно древних винтовок и патронов к ним. Комдив смотрел на браконьерство подчиненных сквозь пальцы – людям надо было есть. Крайневу повезло с наставниками: скоро он сам в одиночку мог скрадывать крупного зверя и добывать его. Коренной москвич, выросший в тепличных условиях, он быстро приспособился: мог неделю не мыться, спать на снегу у разведенного костра, свежевать кабана и печь еще теплое от крови мясо на углях. Он научился седлать коня и ездить верхом – иной транспорт для охоты в тайге не годился. Крайнев гордился своим умением, но эта жизнь ему не нравилась. Его одноклассники, учившиеся куда хуже него, получали престижные дипломы за границей; у единственной кормилицы Крайнева – бабушки, не было денег даже для студента московского вуза. Поэтому Крайнев выбрал военное училище. Здесь одевали и худо-бедно кормили...

Покончив со сводками, Крайнев еще немного поблуждал по новостным сайтам, заглянул в электронные библиотеки, где скачал несколько новинок. Память его «ибука» была забита, поэтому он оставил файлы на рабочем столе и выключил компьютер. Большие часы на стене показывали девять. Крайнев сунул диск с фильмом в лоток плеера и перешел к тренажерам. Он давно заметил, что монотонные и трудные упражнения выполняются споро, когда смотришь интересный фильм. Лучше всего про войну. Наблюдая за лихой танковой атакой из фильма «Освобождение», Крайнев с удовольствием крутил педали, затем поднимал и опускал железо, чувствуя, как радуются застоявшиеся за день мышцы. Покончив с обязательным комплексом, он принял душ и прилег на диван отдохнуть. И тут на него пахнуло прелью...

Он снова стоял на той же лесной дороге, светило солнце, впереди за кустом разговаривали, а сзади слышались шаги. Крайнев обернулся. С боковой тропинки на дорогу выскочила девчушка в пиджачке и длинной юбке; увидев Крайнева, она испуганно замерла. Крайнев приложил палец к губам и дал знак оставаться на месте. Девчушка испуганно закивала, а Крайнев двинулся к кусту лещины, закрывавшему поворот. Мокрая трава вмиг остудила босые

ноги, но Крайнев, если и почувствовал это, то не обратил внимания. Осторожно раздвинул гибкие прутья орешника...

На дороге, прямо у куста, стояла телега. Возле нее, спиной к Крайневу, задирая руки, топтался солдат в длинной гимнастерке, замызганных защитных шароварах и обмотках. За спиной солдата болтался карабин. «Мосин, образца 1938 года», – машинально отметил про себя Крайнев. Два всадника верхом на лошадях держали солдата на прицеле винтовок. На всадниках были пилотки и форма мышинного цвета. Немцы?..

– Кто это? – спросил ближний к солдату всадник, указывая дулом. Крайнев присмотрелся и различил сквозь ограждение бортика телеги человека, лежавшего на охапке сена. Виднелись забинтованная голова и безжизненно свисавшая с телеги рука.

– Кто это? – сердито повторил всадник, и Крайнев вдруг сообразил, что тот говорит по-немецки. Солдат, которого допрашивали, стоял неподвижно, и Крайнев понял, что тот не понимает.

– Брось, Эрих! – сказал второй всадник. – Один большевик везет второго. Все ясно.

– Вдруг кто важный? – возразил Эрих. – Гауптман велел брать «языка».

– Если и важный, то дохлый, – сказал второй, заглядывая в повозку. – Такой «язык» гауптману не понравится.

– Возьмем этого? – спросил Эрих, указывая на солдата дулом винтовки.

– Что он знает? – презрительно отозвался второй немец. – Не видишь – обозник, из мобилизованных, даже не ефрейтор. В лагере их полно. Тащить еще одного? Гауптман послал нас разведать, а не собирать пленных.

– Как скажешь, – пожал плечами Эрих и сердито ткнул пленного стволом. – Оружие!

В этот раз солдат понял. Осторожно, одной рукой стащил с плеча карабин и за ремень протянул немцу. Тот забросил свою винтовку за спину, взял карабин и слегка оттянул рукоятку затвора.

– Патрон в стволе! – удивленно сказал он напарнику. – Обозник собрался воевать!

– Ну и покажи ему войну! – хмыкнул второй.

Эрих направил карабин на пленного. Крайнев увидел, как гимнастерка на спине солдата мгновенно потемнела. Но выстрела не последовало.

– Не получается! – удивился Эрих, поднимая карабин.

– Сними с предохранителя, – посоветовал напарник.

Эрих шутиливо шлепнул себя по лбу и повернул пуговку затвора. Ствол карабина опустился... Крайнев не услышал выстрела. Только увидел, как из спины пленного вылетел красный фонтан – солдат ничком рухнул в траву. Эрих передернул затвор и выстрелил в человека, лежавшего на телеге. Затем дернул затвором еще дважды – патроны выскакивали из магазина и падали в траву, после чего вытащил затвор и швырнул его в куст.

Крайнев успел. Затвор, пробив кружево листьев и тонких веток, тяжело лег в ладонь. Крайнев вновь раздвинул ветви – немцы неспешно удалялись. Крайнев перевел взгляд на убитого обозника. Тот лежал, как ворох тряпья. «Он ведь поднял руки! – подумал Крайнев. – Сдавался...»

Он вышел на дорогу и разыскал в траве выброшенные Эрихом патроны. Подобрал валявшийся на дороге карабин и затолкал патроны в магазин. Затвор мягко клацнул, запирая ствол. Крайнев выдохнул воздух и поднял оружие.

Пока он возился, немцы успели отъехать шагов на сто. Крайнев поймал в прорезь прицела мушку и навел ее в середину темного пятна на куртке Эриха. Как это всегда бывает, он не услышал собственного выстрела – только приклад жестко двинул в плечо. Не глядя вперед (и без того знал, что попал), Крайнев передернул затвор и вновь вскинул карабин к плечу.

Второй немец оказался не из трусов. Развернув коня, он скакал к нему, на ходу целясь из винтовки. Крайнев видел над мордой лошади насупленное лицо, приникшее к прикладу, и

черный зрачок направленного в его сторону винтовочного ствола. «Патрон, у меня последний патрон, – одернул он себя. – В голову не целить!» Из ствола немца вылетел дымок, над головой Крайнева тоненько вжикнуло. «Высоко! – спокойно подумал Крайнев. – На скаку попадают только в кино». Немец мгновенно перезарядил винтовку и свесился влево, чтоб голова лошади не мешала целиться. Крайнев быстро навел ствол ему в грудь и спустил курок. Опустив карабин, он молча смотрел, как выронивший винтовку немец сползает с лошади и повисает в стременах. Конь, почуяв смерть всадника, остановился и недоуменно глянул на стоявшего впереди человека, словно вопрошая: «Ты что это, а?»

Крайнев бросил разряженный карабин на телегу, сходил и подобрал винтовки немцев. Заодно разобрался с трупами. Эрих валялся посреди дороги, и Крайнев стащил его на обочину. С другим довелось повозиться: сапог убитого застрял в стремях, пришлось выдирать. Приученный к войне конь стоял спокойно, и Крайнев, наконец, справился. Когда он вернулся к телеге, давешняя девчушка стояла там. Глаза у нее были по блюдцу, и Крайнев понял: все видела.

– Надо бежать! – испуганно заговорила она. – Счас другие прискачут!..

– Не прискачут! – буркнул Крайнев. – Это разведка, другие далеко. Тебя как звать?

– Настя.

– Куда шла?

– Домой, в деревню.

– Как называется?

– Долгий Мох...

– Далеко отсюда?

– Близко! Километра не будет.

– Кладбище с какой стороны?

– У нас нет кладбища.

– Почему?

– Деревня молодая, двадцати лет нет. Когда умирают, везут туда, где родственники лежат.

«Теперь будет кладбище!» – хотел сказать Крайнев, но не стал.

– Покойников боишься? – спросил, разглядывая обозника. Убитый был тяжел даже на взгляд.

– Не-а-а! – закрутила головой Настя. – Когда мамка померла, я одевала ее.

– Бери за ноги! – велел Крайнев, подхватывая убитого под мышки.

Вдвоем они с трудом уложили обозника на телегу (Настя, несмотря на бравату, морщилась и отворачивалась). Раненого, что лежал в телеге до обозника, Крайнев не стал проверять – выстрел в упор пулей калибра 7,62... Он взял под уздцы запряженную в телегу лошадку и повел, куда указала Настя. По пути они погрузили трупы немцев. Трофейных лошадей Крайнев привязал к телеге. Они шли по пустынной лесной дороге, светило солнце и щебетали птицы, поскрипывали плохо смазанные колеса груженой телеги – идиллическая картина летнего дня. Только ремень винтовки оттягивал ему плечо, Настя испуганно жалась сбоку, а в телеге лежали четыре трупа...

Лес впереди стал редеть, и за стволами сосен показались недалекие дома. Крайнев свернул на тихую поляну.

– Сбегай за лопатой! – велел он Насте. – И не рассказывай в деревне, что видела.

Девчушка испуганно закивала и припустила по пыльной дороге. Крайнев спохватился было – а разгрузить? Но потом решил, что сам справится. Он вытащил из железных проушин опоры бортика – верхний немец сразу скатился на траву, с другими убитыми затруднений тоже не возникло. Немцев Крайнев сволок в дальний угол поляны, обыскал, снял амуницию и вернулся к телеге. В немецких подсумках обнаружился полный боезапас, Крайнев дозарядил оба «маузера» и положил их под рукой. Затем занялся своими. Подсумок обозника был пуст, как

и его карманы – только красноармейская книжка. Крайнев не стал ее листать – не хотелось. Раненый, которого спасал обозник, оказался офицером, на петлицах его гимнастерки было по красному прямоугольнику. Капитан... В нагрудном кармане убитого Крайнев нашел удостоверение личности и отложил его к красноармейской книжке. Солома, укрывавшая дно телеги, сползла, когда он стаскивал тело, и Крайнев увидел под ней кожаную офицерскую сумку-планшет и деревянный ящик. В сумке была карта, плоская бензиновая зажигалка, в отделениях для карандашей – три медных трубочки-взрывателя. Крайнев открыл ящик и присвистнул – аккуратные бруски взрывчатки, упакованные в бумагу, заполняли его снизу доверху. Под соломой в телеге нашелся и большой моток огнепроводного шнура.

– Куда ж ты ехал, капитан? – спросил Крайнев вслух, как будто убитый мог ему ответить. Он раскрыл удостоверение личности. «Брагин Савелий Ефимович, интендант 3-го ранга, в/ч...» С черно-белой фотографии на него смотрело немного усталое молодое лицо. Крайневу оно показалось знакомым. Он не стал гадать, почему, и отложил удостоверение.

Возясь у телеги, он обнаружил подвешенную снизу большую саперную лопату с остро отточенным штыком и крепкой рукоятью – зря он послал Настю в деревню. Могила Крайнев разметил посреди поляны, предварительно на глаз прикинув размер. Нажимать босой ногой на край стальной лопаты было больно – поляну укрывал толстый слой дерна. Крайнев немного поколебался и стащил с убитого офицера сапоги. Новые, яловые, они хранили тепло ног прежнего владельца. Крайнев поморщился, ощутив его босой ногой, но пересилил себя. Теперь работа пошла споро. Крайнев порубил на отмеченном прямоугольнике дерн на квадраты, снял его и сложил его в сторонке – для обкладки холмика. Под дерном оказался песок, он поддавался легко. Крайнев углубился по колено, когда увидел сквозь редкие деревья шагавшего от деревни человека. Бросив лопату, он выскочил из ямы и схватил винтовку.

Незнакомец подошел ближе, и Крайнев разглядел средних лет мужчину, небритого, с уже заметной сединой в густых, некогда черных волосах. Незнакомец был одет в рубаху из грубого полотна, такие же штаны и старые сапоги. В руках у него была лопата. Подойдя к опушке, незнакомец остановился.

– Не стреляй! – сказал он в полголоса. – Я Семен, отец Насти. Сказала: лопата нужна...

Крайнев опустил винтовку и выбрался из-за телеги. Семен подошел, бросил взгляд на убитых.

– Где немцы?

Крайнев указал на дальний край поляны.

– Копаю им! – сказал Семен. – Ты здесь заканчивай...

Крайнев не стал спорить и вернулся к могиле. Работая, он время от времени бросал взгляд в сторону Семена. Тот рыл, не передыхая, – только штык мелькал в воздухе, и получалось у него споро – они закончили одновременно. Выбравшись из могилы, Крайнев стал шарить глазами по сторонам.

– Шинель немецкая сгодится, – сказал подошедший Семен, поняв, что он ищет. – Сукно у них дрянное – только в могилу...

Семен снял вьюк с лошади, с шинелью в руках прыгнул в яму, расстелил одну полу в головах, другую присобрал у стенки. Крайнев подтащил к яме сначала обозника. Семен принял его и, удержав под мышки, бережно уложил на дно. Когда интендант занял место рядом, Семен аккуратно укрыл лица убитых свободной полкой шинели.

– погоди! – окликнул Крайнев, видя, что Семен вознамерился выбраться. Он стал стаскивать сапог.

– Оставь! – прикрикнул Семен. – Ему, – он кивнул на интенданта, – уже не надо, а ты босой.

Крайнев спорить не стал, и они вдвоем быстро забросали могилу песком. Семен ловко сформировал могильный холмик, затем они обложили его дерном. Пошли к немцам. С обоих

Семен предварительно стащил сапоги. Крайнев, спохватившись, расстегнул на убитых мундиры, вытащил наружу круглые жетоны с личными номерами и разломил каждый по просечке. Отломанные половинки забрал себе.

– Немцы так делают, – пояснил в ответ на немой вопрос Семена. – Если вдруг вздумают раскопать, подумают: хоронили свои.

Семен кивнул, с любопытством рассматривая отломанные половинки. На одной пуля вырвала с краю кусок металла.

– Метко стреляешь! – заключил Семен. – Две пули – два немца!

Крайнев понял, что Настя проговорила.

– Тольке две пули и было, – буркнул, как будто это объясняло его меткость.

– Как звать тебя? – вдруг спросил Семен.

– Брагин, Савелий Ефимович, – ответил Крайнев, вспомнив имя убитого офицера. –

Интендант 3-го ранга...

– В ту войну интенданты не воевали... – недоверчиво хмыкнул Семен, но спорить не стал. – Спасибо тебе за дочку!

Крайнев глянул на него удивленно.

– Не случись ты, прямо на немцев выскочила бы! – пояснил Семен.

– Она ж не солдат...

– Зато девка! Не знаешь, что солдатня с ними делает?..

Крайнев кивнул. Вдвоем они быстро закопали немцев, бросив на лица трупов оставшуюся шинель. Укрывать их, как своих, Семен и не подумал. Покончив с работой, он воткнул лопату в холмик (дерном обкладывать его тоже не стали) и вытащил из кармана штанов кисет. Свернул махорочную сигарку и предложил кисет Крайневу. Тот покачал головой.

– Спички забыл! – растерянно вспомнил Семен.

Крайнев сходил к телеге, нашел среди изъятых немецкого барахла никелированную зажигалку и отдал Семену. Тот крутанул колесико и с наслаждением затянулся.

– Куда ты теперь? – спросил, выпуская дым.

Крайнев пожал плечами. Он, и в самом деле, не знал ответа.

– Пойдем ко мне! – предложил Семен. – Пообедаем... Покойников помянуть надо...

Крайнев задумчиво посмотрел в сторону деревни.

– Не увидят! – понял его по-своему Семен. – Я с краю живу, к тому же люди по хатам сидят, даже к окнам подходить боятся. Днем немцы через деревню проехали. Вот эти, – он кивнул в сторону могилы. – На них тот командир с солдатом и выскочили...

Крайнев кивнул и забрался в телегу. Семен по-хозяйски взял вожжи, и они тронулись. Поскрипывали колеса, недовольно фыркали привязанные к телеге кони, Крайнев сидел, свесив ноги, и пытался осмыслить происшедшее. Это был не сон. Не было странности, характерной для сновидений, все вокруг было реально и зримо. Он поднес к глазам ладони и увидел под подушечками пальцев свежие мозоли от лопаты. Потрогал. Мозоли отзывались легкой болью – как и должны отзываться свежие мозоли. Все было реально: пыльная дорога, телега, солома, на которой он сидел, успокаивающая тяжесть винтовки в руке и спина Семена, маячившая впереди. Реально было все – оставалось только понять, как он здесь очутился?

– Какое сегодня число? – спросил Крайнев.

– Второе августа 1941 года, – ответил Семен, не оборачиваясь. – Праздник, Ильин день...

2

Настя углядела их издалека: ворота ближнего к лесу дома отворились, как только телега подъехала. Пока Семен с дочкой распрягали, расседывали и заводили в сарай лошадей, Крайнев отнес в сени оружие и вещи. Только ящик с взрывчаткой сволок на огород – от греха подальше. Затем подошел к жестяному рукомойнику, подвешенному на заборе. Вместо мыла в аккуратной коробочке рядом с рукомойником желтел мелкий песок.

– Кончилось мыло! – вздохнул Семен, подходя. – А купить негде – война. Ни постирать, ни помыться...

К удивлению Крайнева, песок легко оттер грязь с его ладоней. Сполоснув руки, он умылся. Настя подала льняной рушник. Утираясь, Крайнев разглядывал девчущку. Нашел, что она старше, чем показалось вначале, – лет семнадцати. «Просто невысокая и худенькая, – понял Крайнев, – но симпатичная... Немцы бы такую не минули...» Настя, смущенная его взглядом, покраснела. На запунцовевшей коже щек проявились мелкие веснушки.

Семен позвал его в дом. Внутри изба была небольшой, но чистой. Дощатый пол, выскобленный добела, лавки у стен, крепкий стол... У порога Семен скинул сапоги, Крайнев последовал его примеру. Ступать босиком по прохладным, гладким доскам пола было приятно. Они сели на широкую лавку, Настя, выхватив из печи, поставила на стол большую чугунную сковороду, где скворчала яичница с салом.

«Это ж сколько канцерогенов!» – подумал Крайнев, разглядывая толстые, зажаренные до коричневой корочки, ломти свинины.

– Богато живем! – хмыкнул Семен, по-своему поняв его интерес. – Власть бежала, люди колхозный свинарник растащили. Порезали поросят на радостях...

На столе появилась бутылка, заткнутая бумажной пробкой, и два граненых стакана. Семен разлил прозрачную жидкость из бутылки.

– Помянем рабов божьих! – сказал, беря свой стакан. – По правилам полагается молитву прочесть... – Семен вопросительно глянул на гостя.

Крайнев понял это по-своему, встал и повернулся к иконе в углу. Перекрестился.

– Отче наш, иже еси на небесех...

Краем глаза он увидел изумленное лицо Семена. Помедлив, хозяин поднялся. Напротив отца застыла Настя.

– Благословен еси, Господи, научи мя оправданием твоим... – читал Крайнев православный канон, заученный со времени смерти бабушки. Ему никто не вторил. Закончив, Крайнев перекрестился и сел. Семен и Настя последовали его примеру. Мужчины, не чокаясь, подняли стаканы. Самогон слегка отдавал сивухой, но был мягок и приятен на вкус. Осушив стакан, Крайнев почувствовал зверский голод и, не думая о канцерогенах, набросился на еду. Тарелок не было, вилками таскали яичницу прямо из сковороды, подставляя под горячий жир толстые ломти черного, как земля, домашнего хлеба. Было вкусно – просто невероятно, как вкусно. Молодая парная свинина таяла во рту, яичница нисколько не напоминала пресные омлеты, которые Крайнев готовил в пароварке. Семен и Настя не отставали от гостя; видно было, что проголодались. Сковорода пустела быстро. Спohватившись, Семен разлил по стаканам остатки самогона. В этот раз они чокнулись («За знакомство!» – сказал Семен) и быстро приговорили остатки яичницы. Настя налила в глиняные кружки прохладного, пахнувшего луговой свежестью молока. Крайнев осушил свою и решил, что никогда в жизни не ел так вкусно.

Пока Настя прибирала со стола, Семен свернул сигарку, сходил к печи за угольком и закурил. Крайнев не выносил табачного дыма, но махорка пахла так приятно, что он даже порадовался.

– В первый раз вижу, как красный командир молится! – хмыкнул Семен, выпустив дым. – Беспартийный?

– Мобилизованный, – отозвался Крайнев, не зная, как правильно ответить. – В банке работал...

– Одежа на тебе странная, – заметил Семен. – Как белье... Форму не успел получить? Крайнев кивнул.

– Воевать умеешь... – продолжал Семен, хитро посматривая на него из-под кустистых бровей. – Стреляешь лучше кадрового.

– Охотник. Приходилось, – Крайнев кивнул на карабин, стоявший в углу.

– Это где из винтаря охотятся? – сощурился Семен.

– В Сибири, – ответил Крайнев и встал. Ему не нравился разговор.

Сходя в сени, он принес офицерскую сумку Брагина, достал карту и разложил ее на столе. Это была военная километровка. Внимательно рассмотрев ее, Крайнев нашел в правом верхнем углу Долгий Мох. Деревню широко окружали хвойные леса. Лес тянулся чуть ли не до райцентра, который на карте назывался Город. «Это ж какая область?» – подумал Крайнев, не вспомнил и решил выяснить позже. Город после войны могли переименовать, и не однажды, как это водилось в советские времена. Заинтересовало его другое. На палец ниже Долгого Мха красным карандашом был помечен маленький прямоугольник – как «шпала» в петлице убитого интенданта. От деревни к прямоугольнику вела помеченная пунктиром то ли тропа, то ли лесная дорога.

– Что это? – спросил Крайнев Семена.

– Балка – старая, заросшая, – ответил тот, сориентировавшись.

– А в балке что?

– Ничего! – пожал плечами Семен. – Наши там не ходят – ни грибов, ни ягод... Сплошной бурелом.

– А военные через деревню не ездили? В ту сторону?

– Неделю назад были какие-то... Приказали по хатам сидеть. Даже в огород было нельзя.

Туда они ездили или не туда – кто знает?..

Крайнев сложил карту, сунул ее в сумку.

– Седла далеко?

– Я с тобой? – предложил Семен. – Вдруг опять патруль...

Крайнев помедлил и кивнул.

Скоро Крайнев убедился, что поступил правильно. Деревенский житель Семен знал дорогу лучше, чем составитель попавшейся ему карты. В одиночку Крайнев заблудился бы сразу. Семен уверенно ехал впереди, одной рукой управляя поводом, второй придерживая лежавший поперек седла «маузер». Крайнев видел, как перед поездкой Семен умело приоткрыл затвор, проверяя, есть ли патрон в стволе, а потом перекинул флажок предохранителя вправо. Винтовку Семену явно приходилось держать в руках.

– Долго еще? – внезапно спросил Крайнев по-немецки.

– Скоро! – на том же языке отозвался Семен, улыбнулся и перешел на русский: – Немецкий я знаю. Три года в плену был – в двадцатом вернулся. У бауэра работал... Сволочь! Но кормил...

– Пехота?

– Артиллерист, дивизион трехдюймовок. Разбил нас немец под Сморгонью... Как дал из «берты», очухаться не успели – немецкие гранадеры!.. – Семен горько усмехнулся.

Крайнев не заметил, как с лесной тропы они выехали на широкую лесную дорогу. По всему было видно, что ее недавно приводили в порядок: вырубали кусты, подсыпали ямы... Колеи, продавленные колесами грузовиков, были глубокие – по дороге прошла не одна колонна тяжелогруженых машин. По лицу Семена было видно, что ему это в диковинку: он с удив-

лением рассматривал дорогу и крутил головой по сторонам. Не сговариваясь, они подогнали коней, перейдя с неспешного шага на рысь. Но за ближайшим поворотом натянули поводья – путь преграждал шлагбаум. Рядом виднелся большой шалаш.

Некоторое время Крайнев и Семен стояли, ожидая окрика, но вокруг было тихо. Крайнев слез с коня и подошел ближе. Шалаш был пуст. Внутри валялись пустые консервные банки, противогазные сумки, обрывки бумаг и другой мусор – по всему было видать: люди покинули это место спешно. Крайнев подошел к шлагбауму, отвязал веревку и поднял еловую жердь, преграждавшую путь. Семен спешился и, держа на поводу обеих коней, подошел.

– Удрали, защитнички! – сплюнул зло.

«Что, интересно, защищали?..» – подумал Крайнев, но Семен прервал его мысль, указав вперед.

– Вот она, балка. Рулинка, по-местному...

Крайнев зашагал в указанном направлении, с недоумением поглядывая перед собой. Балки не было. Чуть холмистое, сплошное пространство, покрытое высокой травой и редким кустарником. От шлагбаума сюда тянулась глубокая колея, присыпанная скошенной травой; трава уже подсохла и пожелтела. «Зачем понадобилось маскировать колею?» – недоумевал Крайнев, как вдруг ахнул, едва успев остановиться. Он стоял на обрывистом берегу. Но глубокого провала перед ним не было. Балку по самые края заполняло нечто большое, укрытое маскировочной сетью. Неловко оскальзываясь по влажной траве, Крайнев сполз ниже и приподнял сеть. Это были ящики. Деревянные, большие и поменьше, сложенные высокими штабелями. «Калибр 7,62 мм...» – прочел Крайнев, уже понимая, что обнаружил. Он стащил ящик, поддел крышку штыком от немецкой винтовки, оторвал. Внутри оказались две металлические коробки с такими же надписями. Тем же штыком он вскрыл жестянку. В картонных коробках, заполнявших ее, масляно поблескивали винтовочные патроны.

«Будет чем заряжать карабин!» – обрадовался Крайнев и, приподнимая сеть над головой, пошел вдоль штабеля. Ящики с винтовочными патронами сменили другие – длинные, с надписями на незнакомом языке. Крайнев недоуменно остановился.

– Патроны для трехдюймовки, – услышал он за спиной голос Семена. – Французские. Шрапнель. Порт отправки Марсель... – Семен незаметно появился рядом и читал надпись. – Стреляли мы такими. Гильза у них дрянная – в казеннике застревает. Но рвутся хорошо...

– Почему французские? – удивился Крайнев.

– По заказу русского правительства выделяли во Франции. Своих-то не хватало. Пароходами везли...

– Остались с Первой Мировой? Они же не годные!

– Снаряд хранится 25 лет. Может, и больше, но проверять надо. Эти делали в шестнадцатом. Как раз...

– Здесь одна шрапнель?

– Похоже на то, – сказал Семен, проходя вдоль штабеля. – Навезли много – дивизиону в неделю не расстрелять. А еще винтовочные... Полковой склад...

– Неподалеку шли бои?

– Гремело за лесом два дня, – подтвердил Семен. – Вчера затихло.

– Едем! – решительно сказал Крайнев.

К местам боев вела та самая подновленная дорога, но Семен при первой же возможности свернул в лес. Крайнев спорить не стал – встреча с немецким патрулем была еще свежа в памяти. Продираясь сквозь ельник, они проехали версты три, прежде чем лес отступил.

Они стояли на краю вырубki. Лес здесь свалили давно, вырубку успели раскорчевать и даже вспахать для будущих саженцев. Голое пространство плавно сбегало вниз к проходящей в метрах трехстах дороге. Далее простирался широкий луг. «Идеальное место оседлать дорогу!» – понял Крайнев. Другие тоже поняли. Вдоль опушки тянулась густая цепь окопчи-

ков, кое-где виднелись и блиндажи. «Полк не полк, но батальон оборонялся!» – решил Крайнев, трогая бока лошади каблуками.

Они медленно ехали вдоль линии обороны, разглядывая окопы. Первого убитого красноармейца они увидели разом: он сидел, скорчившись на дне окопчика, откинув голову на стенку. Нижняя челюсть отвисла, виднелись белые зубы. Затем убитые стали попадаться чаще и чаще. В окопах и просто на земле – застреленные, посеченные осколками, раздавленные гусеницами танков. Некоторые лежали у самого леса – встретили смерть, убегая. Никогда ранее Крайнев не видел столько покойников и во всем безобразии смерти: почерневшие на солнце лица, торчащие из разорванных тел белые кости, сизые внутренности, облепленные клубками жирных мух... Его замутило, и он перевел взгляд на дорогу. Вдоль нее чернело не менее десятка разбитых машин, некоторые сгорели до остовов. Убитых не было видно: ни у дороги, ни на вырубке. Немцы или увезли своих мертвых, или похоронили. Внезапно Крайнев услышал бормотание. Он скосил взгляд – Семен крестился.

«Как они держались два дня? – подумал Крайнев. – Против танков?»

Он проехал до конца позиции. Левый фланг линии обороны упирался в топкий берег тихой реки. Через реку был переброшен мост. Оборонявшиеся либо не успели его взорвать, либо же не сумели. Деревянный мост вряд ли выдержал бы танк. Присмотревшись, Крайнев увидел черные следы гусениц, выползавшие из реки чуть пониже моста. Брод... Мост взрывать было бесполезно. Командир, организовавший эту оборону, знал дело. Колонну грузовиков пропустил через реку, а затем накрыл огнем. Укрыться на ровном лугу негде, немцев ждал полный разгром... Но потом подошли танки...

Крайнев повернул коня. Он увидел, как Семен неподалеку спешивается, и поскакал к нему. Это была позиция артиллеристов – вернее, то, что осталось от нее. Батарею вначале разбили из танковых пушек, а потом проутюжили гусеницами. Семен пнул ногой пустой ящик из-под снарядов.

– Шрапнель! Та самая, французская! Трубку снаряда на «гранату» поставишь, а танк не возьмет...

«Зато грузовики на дороге горели!» – хотел сказать Крайнев, но промолчал. На Семена тяжело было смотреть. Он бродил меж раздавленных пушек и погибших артиллеристов, трогал орудия руками и что-то бормотал себе под нос. Крайнев не решился заговорить и спустился в блиндаж.

Это была скорее землянка: наспех отрытая яма, перекрытая жиденьким накатом из одного ряда бревен. На лучшее укрытие артиллеристам, видать, не хватило времени. Вход в землянку-блиндаж прикрывала плащ-палатка. Внутри стоял сумрак; приглядевшись, Крайнев понял, что блиндаж пуст. Валялись брошенные противогазы, пустые консервные банки, примитивный стол из жердей был перевернут. Скорее всего, это сделали немцы, разыскивая живых. Крайнев повернулся, чтоб уйти, и внезапно увидел на стене деревянную кобуру. Немцы ее не заметили. Он снял ремешок с сучка, открыл кобуру и извлек «маузер». Магазин пистолета был пуст. Крайнев понюхал ствольную коробку – из оружия не стреляли. «Не было патронов! – догадался он. – Поэтому и бросили...»

Снаружи светило солнце, и ему стало спокойнее на душе. Семен все еще топтался у пушек, Крайнев подошел и сунул ему кобуру:

– Подарок!

– Хорошая вещь! – оценил Семен, доставая пистолет. – На германской войне был у меня...

– Патронов нету! – предупредил Крайнев.

– В Рулинке поищем! Там много всего...

«Были бы, так привезли!» – хотел сказать Крайнев, но промолчал.

– Трехдюймовки Путиловского завода, образца 1902-го! – сказал Семен, указывая на покалеченные пушки. – С такими мы на германской воевали. Вот когда пригодились.

– Уже не пригодятся!

– Одна целая, – сощурился Семен. – На боку лежит – только и всего. Даже панораму не повредило!

Крайнев смотрел на него вопросительно.

– На опушке есть передки, а у нас – два коня! – продолжил Семен. – Упряжь по штату...

– Ехать по дороге... – нерешительно произнес Крайнев. – Вдруг опять патруль?

– Отобьемся! – махнул рукой Семен. – Оружия здесь – вагон! Можно даже пулемет сыскать...

Отговаривать его было бесполезно, и Крайнев сдался. Вдвоем они поставили пушку на колеса (пришлось поддеть оглоблями), прицепили к передку и запрягли коней. Затем бросили седла на передок и примостились сами. Пулемет они и в самом деле нашли, даже два, но оба оказались разбитыми. Крайнев подобрал несколько винтовок, зарядил (патроны он прихватил в Рулинке) и сложил в ногах. Семен управлял парой, а Крайнев сидел рядом, напряженно поглядывая по сторонам.

– Похоронить бы солдат! – сказал Крайнев, когда они отправились в обратный путь. – По-человечески...

– Завтра приведем деревню! – пообещал Семен. – Вдвоем за неделю не справиться...

В Долгий Мох они вернулись затемно. Никто не встретился им на пути, но Семен побоялся тащить пушку к дому. Поэтому вначале долго искали место в лесу: чтоб недалеко, но укромно, потом маскировали оружие. Топора не было, идти за ним в деревню Семен поленился; рубили ветки саперной лопаткой, найденной в передке. Веток понадобилось много. Потом повели коней на лужок у деревни, где Семен расседлал их, спутал и оставил пастись. В дом ввалились уже совсем без сил. Оба отказались от ужина. Составили винтовки в углу, выпили по кружке молока и повались спать. Семен – на печке, а Крайневу постелили на той самой лавке, где он сидел за обедом. Матрас был набит сеном, мягким и душистым. Крайнев как упал на него, так сразу и уснул.

...Проснулся он от тишины. В его городскую квартиру, несмотря на двойные стеклопакеты, всегда доносился уличный шум. Как всякий городской житель, Крайнев привык к нему. Сейчас в доме стояла полная тишина. Свет полной луны, вливаясь в окошко, наполнял избу холодным мерцанием, делая все нереальным: стол, лавку, печь в дальнем углу, висящие на шестке у печи рушники... Крайнев не сразу понял, где это он, а вспомнив, резко сел на постели. Это был не сон. Он явственно ощущал под умявшимся матрасом твердую лавку, пахло сеном и – от стоявших в углу винтовок – оружейным маслом и сгоревшим порохом. Он спустил ноги вниз. Половицы были твердыми и холодными. Крайнев сунул ноги в сапоги, взял со стола офицерскую сумку Брагина. Помедлив, прихватил давешний карабин обозника – в этот раз магазин его был полон. Тихо скинув крюк с двери, он вышел во двор и сел на лавочку у крыльца. Карабин примостил между ног. Хотелось курить – до звона в ушах. К табаку Крайнев приобрелся поздно, уже в воинской части – до этого бабушка запрещала, а послушаться было стыдно. Сняв погоны, он решительно отказался и от курева, даже дыма табачного не переносил, но сейчас тянуло так, что сил не было! Крайнев заерзал на лавочке и вдруг услышал тихие шаги в сенях. Скрипнула дверь, и во двор вышел Семен. Он был в одной рубахе и бос.

– Что вспоролся? – спросил, присаживаясь рядом.

– Не спится.

– Мне тоже, – вздохнул Семен. – Всем вчера хватило... Человека убить – не кабанчика зарезать, да и кабанчика по первости муторно. Дочка трусится... Говорил ей: «Не ходи!» Нет... «Именины у тетки, как не поздравить?!» Вот и поздравила... С другой стороны, родни у нее – только я да тетка...

– Почему? – спросил Крайнев. Спрашивать было не деликатно, но он чувствовал – можно.

– Была у меня семья, – заговорил Семен, доставая кисет и сворачивая сигарку. – Жена, детей четверо... Жена на десять лет моложе. Я пока воевал, а потом в плену горбатился, сверстники поженились, детей завели. Вернулся старый уже, под тридцать – девки только смеются, хоть вдову какую ищи. А тут Дуня... Шестнадцать лет, одна дочка у родителей, не хотели за меня отдавать – только крик стоял! Потому в Долгий Мох переехали, не дали бы там жить...

Крайнев так жадно глядел на сигарку в руках Семена, что тот почувствовал его взгляд и молча отдал. Себе свернул другую. Чиркнул спичкой. Крайнев блаженно затянулся ароматной махрой и с наслаждением выдохнул дым.

– Вот... – продолжил Семен, в свою очередь выпуская дым. – Все было ладно, а тут менингит... Настя в Городе жила, школу заканчивала, поэтому не заразилась, а Дуня за детьми ходила... Она и трое детей, один за другим... В деревне тогда много народу умерло, но ни у кого столько, как у меня...

Крайнев скосил глаз и увидел на небритой щеке Семена мокрую дорожку. «Антибиотиков у них еще нет, – вспомнил он, – а без них менингит – смерть... Как и туберкулез, воспаление легких, дизентерия... Каменный век!»

– Что теперь будет, Ефимович? – спросил Семен, бросая потухшую сигарку. – В ту войну мы германца дальше Сморгони не пустили, но Ленин ему в восемнадцатом полстраны отдал. Сейчас немец под Смоленском...

– Наполеон и в Москве был...

– Думаешь, будет, как с Наполеоном?

– Будет!

– Но пока обратно погонят, горя хлебом, – заключил Семен. – Мыла нет, соль, спички и керосин кончаются... Хоть бы немец не трогал. В германскую он не особо...

– Так то в германскую! – сказал Крайнев, вставая.

– Ты куда?

– Пройдусь!

– Иди! – согласился Семен. – Все равно никого вокруг. Немец по ночам не воет...

Крайнев вышел за ворота и зашагал по пыльной дороге. Сапоги вязли в мягком песке, босые ноги болтались внутри, идти было неудобно. Но он упрямо шагал вперед. Подойдя к кладбищу, где вчера хоронили убитых, он бросил взгляд – свежий могильный холмик явственно темнел посреди залитой лунным светом поляны. Крайнев пошел дальше, больше всего опасаясь заплутать в ночном лесу. Не заплутал. Это был тот же поворот, тот куст лещины, за которым он стоял менее суток назад. Крайнев нашел место, где очутился в самом начале, поправил поудобнее ремень карабина на плече. Вздохнул. И запахло прелью...

Он лежал на любимом диване в своей квартире. Горела люстра, работал включенный телевизор. На больших настенных часах было 22.13. Примерно столько же, как когда он провалился. Крайнев поморщился – ложе карабина жестко упиралось в спину – и встал. Сапоги громыхнули о ламинат. Он стащил их и швырнул в угол. Затем отнес туда же карабин и сумку. И только после этого, внутренне сжимаясь, взял в руки электронные часы со столика. День был тот же. Он поочередно проверил числа на карманном компьютере, затем на большом, дождался упоминания даты в сводке телевизионных новостей. Они совпали. В августе 1941-го он провел часов двадцать, но в квартире отсутствовал несколько минут. Или один миг...

Крайнев вернулся к сложенным в углу вещам, взял карабин. Оружие было тяжелым, металл рукоятки затвора – холодным. Крайнев повернул и потянул ее, ловко поймал выскокивший из ствольной коробки патрон. На кухне он пассатижами вывернул пулю из гильзы, высыпал порох на полированный металл мойки, поднес кухонную зажигалку. Порох взорвался ослепительной вспышкой. «Из карабина можно стрелять! – подумал Крайнев. – Почему бы и нет? Взрывчатка не портится. Если не держать ее в агрессивной среде...»

Внезапно ему захотелось спать. Выбросив гильзу и пулю в мусорное ведро, он пошел в ванную, принял душ (время в квартире не изменилось, но прошедшие двадцать часов он на себе ощущал). Затем быстро разобрал постель и провалился...

3

Без десяти девять Крайнев вошел в свой кабинет. До обеда он поучаствовал в двух совещаниях: на одно пригласили его, второе он собрал сам. Между совещаниями он выпил чашку кофе, в 12.30 отправился обедать. Не доверяя столичному общепиту, банк содержал собственную столовую, где персонал вкусно и сытно кормили за символическую плату. После обеда Крайнев изучал материалы проверок: иные утверждал, другие возвращал на доработку. В 15.00 он выпил вторую чашку кофе со свежими сушками (сладкое он не любил) и продолжил работу с бумагами. Все шло, как обычно. Даже Маша не раздражала. Она сменила юбку и блузку – первая была длиннее, вторая – без декольте. Но оба предмета одежды так туго обтягивали Машино тело, что выглядела она соблазнительнее, чем вчера. Крайнев хмыкнул про себя, заметив эту уловку, но воспитывать делопроизводителя не стал. В банке было кому следить за соблюдением дресс-кода. Если у них нет претензий, зачем вмешиваться?

С бумагами удалось разобраться вовремя, Крайнев покинул кабинет ровно в 18.00. На стоянке он немного потоптался у машины, борясь с искушением. «Этого не может быть! – уговаривал он себя. – Мне просто померещилось!» Тут он вспомнил про карабин и планшет в стенном шкафу, заботливо перепрятанные поутру, и решил сменить направление мыслей. «Что мне там нужно? Это их поколение, их судьба – я не имею права вмешиваться! К тому же можно не вернуться – неизвестно, как все это действует!»

Последняя мысль Крайневу совсем не понравилась, он обругал себя «трусом» и перестал бороться с искушением. Вмешиваться было не обязательно. Ничего страшного не случится, если просто навестит новых знакомых и поблагодарит за гостеприимство. Крайнев сел за руль и свернул к гипермаркету. В магазине он провел много времени: изучал товар, подзывал продавца, спрашивал, спорил, и в результате добился своего: из подсобки ему притащили картонную коробку дешевого хозяйственного мыла. Коричневого, памятного Крайневу по детским годам, в гипермаркете не нашлось – такого не выпускали. Выбранное мыло оказалось китайским, белого цвета, зато без всяких букв и цифр на брусках – он проверил, разорвав упаковку. Спички покупать Крайнев не стал – все коробки были с годом выпуска на этикетках. На стоянке он погрузил мыло в багажник и отправился в магазин «Ткани». Здесь сходу заказал два метра плотной бязи и кусок мешковины. Из последней прямо в магазине ему сшили два мешка. Без звука – в магазине видали и не таких чудачков. В аптеке немного удивились, но за дополнительную плату согласились слить йод из маленьких пузырьков в один большой с притертой стеклянной пробкой (его нашли в подсобке) и завернуть широкие нестерильные бинты в большой лист упаковочной бумаги. Плотные цилиндры хлопковой ваты Крайнев сам освободил от упаковки – ее завернули с бинтами. Таблетки аспирина и анальгина требовали большей работы, ее он оставил на дом. Шприцы в аптеке продавались только разовые, но несколько коробок с ампулами он все же купил. Подумав, взял упаковку мощного антибиотика. В аптеке ему, ко всему прочему, продали пять небольших пузырьков темного стекла – пустых, но чистых.

Дома Крайнев сложил покупки в прихожей и первым делом плотно поужинал. Затем принялся за работу. В домашней аптечке нашелся рулончик обычного пластыря. Крайнев отрезал несколько кусков одинаковой длины и наклеил их на чистые пузырьки. На получившихся этикетках, простым карандашом написал: «Жаропонижающее», «Болеутоляющее», «От инфекции». Для двух пузырьков лекарств не было, он оставил их про запас. В остальные поочередно сыпал выданные из упаковок таблетки. Ваткой, смоченной в уксусе, стер с ампул все буквы, кроме названия, затем завернул их в кусок ткани. Оставшуюся бязь Крайнев порвал на портянки – вышло ровно три пары. Кроме бязи и мешковины, он купил в магазине два куска шерстяной материи (покойная бабушка называла такие «отрезами»). С детских лет он помнил два названия: «габардин» и «шевиот» – к его удивлению, в магазине такие нашлись.

Стоила ткань не дешево, но Крайнев велел отрезать по два с половиной метра каждой – с запасом. От предложенной продавцом подкладки отказался – выглядела современно. Габардин и шевиот он просил потемнее, но даже такая ткань выглядела веселенькой. В последнюю очередь Крайнев занялся мылом. Каждый брусок пришлось освободить от упаковки, и к концу работы ее собрался целый ворох. Он ссыпал мыло в мешок, завернул свободные края и получившийся тяжелый пакет уложил на дно второго. Следом поместил лекарства и отрезки. Завязанный мешок он отнес в зал и занялся собой.

На антресолях обнаружил свой «тревожный» чемоданчик, заброшенный туда несколько лет назад и благополучно забытый. В чемоданчике нашлась пара армейского белья – синие трусы и голубая майка, алюминиевый станок для бритвы с лезвиями, зубная щетка. Станок и щетку Крайнев сунул в офицерскую сумку и отправился в душ. Сменив белье, он надел спортивный костюм, в каком вернулся из Долгого Мха, и присел к компьютеру. Скоро он убедился, что в Интернете есть все, кроме того, что нужно. Выключив компьютер, Крайнев обул сапоги, перед этим тщательно наворачнув на ступни портянки, перебросил через плечо ремень офицерской сумки, взял карабин, мешок и присел на диван.

...Ничего не произошло. Он сидел, сжимая одной рукой цевье карабина, второй – горловину мешка и не ощущал никакого запаха. Прошла минута, другая, третья... Ничего. Подумав, Крайнев неохотно выпустил мешок – не помогло. Достал из офицерской сумки бритву и зубную щетку – тот же результат. Менять белье ему расхотелось. Зато захотелось курить. Крайнев встал и как был – в спортивном костюме и яловых сапогах – вышел из квартиры. В маленьком магазинчике за углом он купил трубку и большой пакет голландского табака. Вернувшись, прошел на кухню, набил чубук, затянулся и стал задумчиво пускать дым в пластиковый потолок. Офицерская сумка все еще висела на его плече. Скуки ради он открыл ее, и в одном из отделений нашел не замеченные сразу листки серой бумаги. На всех стоял штамп «Воинская часть №...», а внизу красовалась подпись командира и лиловая печать. Пространство между штампом и подписью было пустым. Сюда можно было вписать любой текст.

«Зачем они понадобились интенданту? – думал Крайнев, пряча листки обратно. – Для расписок об изъятии продовольствия, коней и другого имущества для нужд армии? Но на листке можно написать любой приказ или справку. Каким доверием командира надо пользоваться, чтоб получить такой карт-бланш? Или это обычное дело для того времени?..»

Он еще размышлял о находке, когда почувствовал примешавший к запаху голландского табака аромат прели. Сломая голову, он ринулся в зал и на бегу успел схватить карабин и мешок...

Сказать, что Семен обрадовался подаркам, означало ничего не сказать. Когда Крайнев появился на рассвете и без долгих предисловий вывалил содержимое мешка на стол, глаза у старого артиллериста блеснули.

– Откуда? – спросил Семен, трогая белый брусок.

– Трофей! – коротко ответил Крайнев.

Семен кивнул и стал рассматривать подарки. Каждую вещь бережно брал тонкими пальцами (руки у него не походили на крестьянские), подносил к глазам, мял, шупал и даже нюхал.

– Трофей, а надписи русские! – удивился он, добравшись до пузырьков.

– У наших взяли, – пожал плечами Крайнев.

– Так даже лучше! – согласился Семен. – Будем знать, от чего какое...

Отрезки Семен развернул, набросил на стол, оценивая рисунок ткани, затем снова бережно сложил.

– Худая у немцев материя – тонкая, – заключил в итоге. – Но красивая. Мужичку не пойдет, бабе в самый раз. Дочке на платье... Спасибо тебе, Ефимович!

– Из «спасибо» шубу не сошьешь!

Семен вопросительно глянул на Крайневу.

– Нужна одежда. Эта, – он хлопнул себя по штанам, – не годится.

– У меня только простое, домотканое, – развел руками Семен.

– Такое и нужно.

Вернувшаяся Настя (выгоняла корову на пастбище) принесла Крайневу льняную рубаху и штаны, которые он тут же окрестил «портами», затем под села к столу и занялась подарками. Лицо ее светилось от счастья.

– Пахнет как! – сказала, нюхая мыло. – Будем умываться! Постирать и в щелоке можно.

«Это дешевое китайское мыло с химическим запахом!» – хотел крикнуть Крайнев, но сдержался.

– Стирай! – велел сердито. – Мыла еще принесу. Лучшего...

Пока Настя занималась подарками, Крайнев переоделся за ширмой. Ткань его новой одежды приятно легла на тело. Рукава оказались чуть коротковаты (Крайнев был выше хозяина), но по летнему времени – в самый раз. Крайнев обулся, затянул на себе офицерский ремень с портупеей, ранее принадлежавший Брагину, и вышел к хозяевам.

– Хоть и в сермяге, но командир! – оценил Семен.

Настя ничего не сказала, только опять покраснела.

Семен велел накрывать на стол. Настя бережно прибрала подарки, достала из печи чугунок с вареной картошкой, принесла огурцы, перья зеленого лука и уже привычный кувшин с молоком. Они неспешно поели. Картошка, сваренная целиком, в печи зарумянилась и была очень вкусной. Настя положила на стол тоненькие палочки; ими натыкали картошку и несли в рот, запивая свежим молоком. Семен сворачивал перья лука в продолговатые рулончики, макал в солонку и аппетитно хрустел. Крайнев свернул себе – понравилось. Покончив с едой, Семен полез за кисетом, но Крайнев остановил его. Сходил за ширму и принес пакет с табаком.

Голландский «Капитан» дал такой дух, что Настя заулыбалась.

– Немецкий? – удивился Семен, разглядывая пакет. – Ишь, в целлофан затянули!..

– Голландский! – сказал Крайнев, пытаясь сунуть пакет в карман своих «портов». Не получилось.

– Кисет нужен! – снисходительно улыбнулся Семен. – Попроси Настю, сошьет!

Настя согласно закивала, едва Крайнев глянул на нее...

Полчаса спустя они ходили по домам, собирая людей. Вернее, ходил Семен. Крайнев просто встал посреди улицы, показывая, где собираться. В окошках мелькали любопытные лица, детишки повисли на заборах, но к нему не шли. Семен, пройдя деревню из конца в конец, сам подошел к Крайневу, и только тогда к ним потянулись люди. Мужчины. Женщины, хоть и показались в калитках, там и остались. Крайнев сосчитал: подошло девять мужиков, не считая Семена. Все примерно лет сорока – сорока пяти. В двух домах мужчин не оказалось: либо ушли по делам засветло, либо их не было там вовсе.

– Дело простое, мужики, – сказал Семен, когда все собрались. – Мы с командиром, – он кивнул на Крайневу, – вчера были за Рулинкой, бой там шел. Много наших лежат. Надо похоронить по-божески.

– Ближе деревень нет? – недовольно сказал худой, костистый мужик. – Почему мы?

– Креста на тебе нет, Пилип! – рассердился Семен. – Это ж наши дети! А если б твоего там?! Сколько им лежать? Жара...

– Я... Ничего... – смешался Пилип.

– Тогда слушай! У нас с командиром – три коня и телега. Кони и телеги – у Василя и Степана. Найдем еще две телеги, все поедем – легче будет. У кого бабы покрепче, пусть тоже собираются – убитых много. Берите еду, воду...

– Что за кипеж? – раздалось позади.

Все удивленно обернулись. По улице вихлястой походкой приближалась странная фигура. Одет незнакомец был по-городскому: в пиджак и брюки навыпуск. Только пиджак был наброшен на голое тело, между широкими, мятыми лацканами виднелась большая, во всю грудь, татуировка – церковь с куполами.

– Зачем хай? – вновь спросил незнакомец, подойдя. – Об чем толковище?

– Солдат наших едем хоронить! – сердито буркнул Семен. – Присоединяйся!

– Я? – незнакомец ощерил гнилые зубы. Там-сям среди них мелькнули золотые фиксы. – Закапывать вертухаев? Ты че, отец, в натуре? Пусть лежат, где легли!

– Как хочешь! – пожал плечами Семен. – Мы поедем.

– Не поедете!

– Почему?

– Я запрещаю!

Семен нахмурился.

– Пусть большевички гниют! – закричал татуированный. – Воняют, как падлы! Мало они народ по этапам да тюрьмам гноили?! Эти свое получили, теперь черед других! Немцы с ними разберутся! Покажут «меру социальной защиты»!.. А я помогу! Кончилось комиссарское время!.. – фиксатый выплевывал слова, брызгая слюной. Глаза его, налитые кровью, горели безумным блеском.

Семен пожал плечами и хотел отвернуться, как вдруг фиксатый выхватил пистолет.

– Стоять, дед! Дырка в башке – и прямо тут закопают!

Крайнев увидел, как побелело лицо Семена. Зрачок дула смотрел ему прямо в глаза. Пистолет в руках фиксатого плясал – казалось, вот-вот грянет выстрел.

ТТ – определил Крайнев и вздохнул. Семен посоветовал ему не брать карабин – чтоб не пугать людей. Вот и не взял! С другой стороны, пока стащишь оружие с плеча... Он присмотрелся и вдруг решительно раздвинул притихших мужиков. Заметив его, фиксатый шагнул в сторону и сменил прицел; теперь зрачок дула смотрел в лицо Крайневу.

– Стоять, падла! Ты кто?

– Интендант третьего ранга.

– Командир, значит? Тоже хочешь дырку?

– Хочу!

– Счас! – ухмыльнулся фиксатый. – Командиру первая честь!

Он надавил на курок, но пистолет не выстрелил. Фиксатый недоуменно посмотрел на оружие, но больше ничего не успел – Крайнев пнул его между ног. Фиксатый согнулся и зашипел. Крайнев выкрутил пистолет из ослабевших пальцев, не удержался и добавил пинком под зад. Фиксатый сунулся лицом в дорожную пыль и засучил ногами, мыча.

– Кто привел?! – лицо Семена стало красным от злости. – Чей?

– Ничей! – буркнул Пилип. – Приблуда... Заявился вечером, достал пистолет, велел кормить, самогону дать...

– Откуда он?

– Рассказывал, гнали зеков по смоленской дороге – тюрьму эвакуировали, налетели немецкие самолеты, они и разбежались. Многих охрана побила... Долго сюда через лес шел. Хвалился, что задушил командира, забрал у него пистолет...

– Что не прибил ночью?

– Он дочку с собой положил! – шмыгнул носом Пилип. – Пистолет взял. Сказал: если что, ее первую. А сам с ней... Вернется зять с фронта, что скажу?

Семен махнул рукой и подошел к зеку. Тот уже пытался встать. Семен молча дал ему затрепанный, затем быстро обыскал. За поясом зека нашлась финка, в карманах – запасная обойма к пистолету и сложенная вчетверо потрепанная бумажка. Финку Семен забрал, бумагу и обойму протянул Крайневу.

– Подходят к маузеру! – сказал Крайнев, возвращая обойму.

Глаза Семена радостно вспыхнули. Крайнев развернул бумагу. Это была копия приговора Особого Совещания, уже порядком затертая. Брови Крайнева поползли вверх.

– Статья 58, пункт 6?.. Шпионаж?..

– Не моя бумага! – прохрипел зек, приподымаясь. – У мертвого забрал. Глянь, как звали!

– Кернер Эдуард Эрихович... – прочел Крайнев.

– А я Николай. Гляди! – зек протянул правую руку ладонью вниз. На пальцах большими буквами было вытатуировано «Коля». – Не шей 58-ю, командир! Я по уголовке, социально близкий...

– Кто только что хаял большевиков? – зло спросил Семен. – Кто немцам помочь собрался? Пистолетом грозил?

– И забыл затвор передернуть! – хмыкнул Крайнев. – Это тебе не наган, Коля, нажатием на спуск не взводится! Не учили в тюрьме?

Зек в ответ только сплюнул.

– Что скажете, мужики? – повернулся Семен к мужикам. – Отпустим?

Все молча покачали головами.

– Командир?..

– По законам военного времени... – Крайнев оттянул затвор ТТ и резко отпустил – курок встал на боевой взвод.

– Не марайся, Ефимович! Сам... – Семен забрал ТТ у Крайнева и рывком поднял Колю за шиворот. – Шагай, сволочь!

– Ты что, дед? – заверещал зек, но, подгоняемый пинками, послушно побежал к ближней опушке. Едва двое скрылись за кустами, как сухо треснул пистолетный выстрел.

Вернувшись, Семен отдал пистолет Крайневу.

– Собирайтесь! – сказал хмуρο. – Кто в армии служил – айда за мной! Винтовки дам... Одного с оружием здесь оставим. Кто знает, сколько сволочи бродит по лесам?..

Семен распоряжался и на поле боя. Отмерив шагами длинную яму, он поставил женщин копать, а трупы собирать велел мужикам. Крайнев поначалу удивился, но потом понял. Еще на опушке он почувствовал сладковатый запах, который усилился, стоило им отойти от леса. Его опять замутило, он с трудом преодолел позыв рвоты. Семен велел подобрать несколько шинелей и плащ-палаток, на них носили и таскали убитых. Ошметки человеческого мяса не трогали.

– Отмечайте ветками! – велел Семен. – Потом пройдем с лопатами и прикопаем!

...Тела таскали полдня. Их оказалось свыше пятидесяти. Еще двадцать убитых лежали в ряд за опушкой, все в бинтах – немцы обнаружили полевой госпиталь. Среди тел застреленных была женщина, немолодая, с прямоугольником-«шпалой» в петлице – военврач. Видимо, пыталась встать на защиту раненых, но немцы слушать не стали... Тащить расстрелянный госпиталь к общей могиле было далеко, и Семен прислал четверых мужчин выкопать могилу на месте. На опушке Крайнев нашел большой холм из свеженасыпанной земли – братская могила, вырытая самими солдатами в первый день боя. По всему выходило, что батальон потерял у дороги не менее четверти состава; остальные солдаты или отступили, или попали в плен.

– Придется класть в три ряда, – заметил Семен, когда трупы собрали. – Большую яму день копать. Ничего, в германскую и не так бывало! Столкнешь в воронку и присыплешь...

У каждого убитого проверили карманы, забрали документы и вещи. Часов и обрубальных колец не было. Крайнев вначале удивился, но потом вспомнил: в то время часы были роскошью. Что уж говорить про кольца... Мужчины стали укладывать мертвых в могилу, Крайнев повел женщин собирать оружие и снаряжение. Брали все: шинели, плащ-палатки, вещевые мешки, ремни, упряжь, патроны... Грузили на телеги. В одном из блиндажей Крайнев обнаружил два плотно набитых вещмешка. Распустил узлы – большие коричневые бруски. Мыло... А он так старался, сдирая обертки с китайского! У женщин, когда увидели находку, загорелись глаза.

– Разделим по справедливости! – успокоил их Крайнев.

Прочесав опушку, Крайнев обнаружил полевую кухню. Она была новенькая, даже бак оказался пуст. Кухня не пригодилась: батальону, который здесь оборонялся, не успели подвезти продукты. Семен находке обрадовался.

– Хорошая вещь! – оценил. – Один бак чего стоит!

Деньги они тоже нашли. В карманах убитых их было немного – денежное довольствие. Немцы, судя по всему, советскими рублями погнушались. Впечатлила другая находка. В большой сумке, найденной под мертвым телом, оказалось много денег – десятки тысяч. Плотные пачки были упакованы в брезентовые инкассаторские сумки, погибший богач носил синюю гимнастерку и такие же галифе. «Инкассатор!» – догадался Крайнев. Эвакуировал ценности, по пути присоединился к воинской части и погиб, как солдат, в бою: рядом с убитым лежала винтовка с опустошенным магазином. Крайнев и Семен, обнаружившие сумку, по молчаливому уговору не стали говорить о ней деревенским – от соблазна подальше. Бросили в телегу и прикрыли шинелями...

Когда тела укладывали в могилу, к Крайневу подошел Семен.

– На одном командире гимнастерка и галифе хорошие, – сказал вполголоса. – Убило осколком, в голову, обмундирование чистое. Настя стирает. Твоего роста...

– Оставь! – велел Крайнев.

– Брезгуешь? – удивился Семен.

– Форму носить опасно. Немцы кругом.

– Но сапоги с ботинками можно! – не согласился Семен. – Люди в лаптях ходят!

Крайнев молча кивнул...

Опять он читал православный канон, затем мужики и женщины быстро забросали яму. Семен отлучился ненадолго, принес из леса еловые жерди и ловко срубил три креста, установив их поочередно на каждом из трех захоронений. Обратно тронулись поздно – солнце уже садилось. Шли пешком – телеги по борта завалили скарбом. К одной прицепили полевую кухню. Несмотря на усталость, шагалось легко, как после тяжелой и грязной, но нужной работы. Женщины то и дело поглядывали на груженные телеги. Крайнев понял: мысленно делят имущество. Его это не сердило. Все женщины были одеты в простые платья домотканого полотна, в лаптях... Только на головах у них белели фабричные платочки, да и те выцветшие, многократно стиранные-перестиранные...

– Сколько добра на войну идет! – вздохнул Семен, заметив эти взгляды. – Оружие, одежда, обувь... А люди босыми ходят.

– Дашь каждому по паре сапог или ботинок, одной шинели, одной плащ-палатке, – сказал Крайнев. – Раздай мыло и деньги – которые были в карманах. Не забудь охранника, оставленного в деревне.

– В двух хатах мужиков нет – на войну забрали, – посмотрел на него Семен. – Бабы и детишки. Оттуда хоронить не ходили. Им что?

– Решай сам! – махнул рукой Крайнев. – Чтоб те, кто работал, не обиделись...

Они прошагали полпути, как вдруг на дорогу выскочила странная фигура. На ней был длинный, до самой земли, брезентовый плащ и старая шапка-ушанка. В руках у фигуры было охотничье ружье.

– Стой! – закричала фигура, наводя ружье. – Кто такие?

Голос у незнакомца был сильным – все сразу поняли, что перед ними старик. Семен, ругнувшись, лапнул кобуру маузера, Крайнев выхватил из-за пояса ТТ, но еще раньше сориентировались шедшие позади мужики: Крайнев услышал, как за спиной залязгали затворы.

– Не двигаться! – скомандовал старик, оценив суету. – Буду стрелять!

– Только попробуй! – пригрозил Семен. – Чего надобно, дед?

– Кто такие? Отвечай!

Крайнев заметил, как Семен потащил «маузер» из кобуры и шагнул вперед.

– Интендант третьего ранга Брагин! В чем дело?

– Правда, интендант? – радостно спросил старик.

– Могу удостоверение показать.

– Не надо! – заторопился старик. – Вижу, что командир. Коров моих забери!

– Каких коров?

– Колхозных. Неделю стадо гоним, чтоб немцам не досталось, а немцы везде кругом. Сто восемь голов. Их же доить надо. А у меня три девки, да я... Три дня хлеба не видели...

Крайнев вопросительно глянул на Семена.

– Колхозная ферма стоит пустая, – сказал тот, прищурившись. – Стадо угнали, остальное есть. Сепаратор, маслобойка... Я там сторожем работал, закрыл на замок, да еще скобами ворота забил...

– Забираю! – решительно сказал Крайнев.

– Расписку дашь? – заторопился старик. – Только справную, с печатью?

– Немцам будешь показывать? – ухмыльнулся Семен.

– Наши вернутся – спросят! – насутился дед. – Что ж мне, в Сибирь? Старый я...

– Дам расписку! – подтвердил Крайнев. – Гони коров следом! Накормим, отдохнете...

Поздним вечером, когда все распоряжения были сделаны, оставшееся после раздачи имущество сложено в сарае, а на лужке перед деревянной мычалью коровы, ожидая очереди на дойку, Крайнев устало сидел за столом, ожидая Семена. Хозяин запаздывал, и Настя не отходила от окошка – выглядывала. Наконец отскочила и стала греметь чугунами.

– Мужики просят по корове, – сказал Семен, заходя. – По одной в каждый двор. Собрались на дороге, ждут. Ругаются. У всех винтовки. Что скажешь? Стадо-то ничье...

– Государственное! – возразил Крайнев.

– Где теперь государство? – не согласился Семен.

– Значит, поделить? Тогда почему по одной? Пусть берут всех!

– Столько не прокормить! Одного сена сколько надо! Одна своя, одна новая – в самый раз. А, Ефимович?

– Завтра! – сухо сказал Крайнев. – Когда уйдут дед с девками. Не то и они захотят... Коров пусть выберут, какие нравятся, но не даром. За трудодни. Оставшихся отвести на ферму, пасти, заготавливать им сено, ухаживать, доить, бить масло... Отрабатывать.

– Если б в колхозе так платили! – ухмыльнулся Семен, поворачиваясь, но Крайнев остановил.

– С сегодняшнего дня деревню по ночам охранять! Выставь посты с обоих концов, пусть сменяются, как устав велит.

Семен выскочил из хаты и вернулся, ухмыляясь.

– Чуть не передрались, кому первому на пост! – сказал, усаживаясь за стол.

– Почему? – удивился Крайнев.

– Коров будут выбирать! Тайком. Тряпочки на рога повяжут.

– Так темно!

– Городский ты, Ефимович! – вздохнул Семен, разливая самогон. – Не знаешь, что для крестьянина корова! Они наощупь...

Они молча выпили. Настя поставила перед каждым полную миску щей, все набросились на еду. Крайнев заметил, что отец и дочь, несмотря на голод, ели аккуратно: не «сербали», с шумом втягивая щи с ложки, а бесшумно вкладывали ее в рот.

«Странные тут крестьяне, – думал он, старательно орудуя деревянной ложкой. – Говорят по-немецки, читают по-французски... Пушке радуются больше, чем корове... Разберемся...»

4

Комендант Города, гауптман Эрвин Краузе проснулся от боли. Огонь полыхал под ребрами справа и жег так, что хотелось выть. В пищеводе скребло, во рту отдавало кислым. Краузе, не открывая глаз, пошарил рукой, нашел на тумбочке сложенный конвертиком пакетик с содой, привычно развернул и высыпал порошок в рот. Запил из стакана, подождал. В животе забурчало, газы расперли желудок, и благословенная отрыжка пришла быстро. Жжение в пищеводе исчезло, но боль под ребрами осталась. Краузе повернулся на левый бок, затем на спину – боль не унималась. Надо было вставать.

Краузе спустил худые ноги на прохладный пол, морщась, натянул армейские галифе. Затем обулся и накинул подтяжки на плечи. Топнул несколько раз, давая знать денщику, что проснулся. Клаус не появился. Краузе сердито заглянул в соседнюю комнатушку – пусто.

«Сбежал к своей русской! – рассердился Краузе. – Наверное, и не ночевал! Погоди, вот отправлю на фронт!..»

Краузе кипятился, прекрасно понимая: ни на какой фронт он Клауса не пошлет. Услужливый берлинский проныра спасает ему жизнь. Без него в этой глуши он получит прободную язву – и капут. До военного госпиталя полдня пути, а в Городе немецких хирургов нет.

«Может, раздобудет сливок?» – подумал Краузе, присаживаясь на кровать. Эта мысль на мгновение облегчила боль. Свежие, жирные сливки – лучшее лекарство от язвы. В этой варварской стране их не умеют делать. Клаус говорил, что русские ставят молоко в погреб, а наутро ложкой собирают вершки. Сливки успевают прокиснуть. Русские называют их «сметана» и очень любят, но от кислых сливок желудок болит еще больше. Приходится пить молоко. Еще помогают сырые яйца. Свежие. Клаус, когда их приносит, уверяет, что только-только из под курицы. Тогда почему болит живот? Боже, какие чудные взбитые сливки делала Лотта!..

Главной удачей в жизни Эрвин Краузе считал женитьбу. Когда он, молодой гауптман, в восемнадцатом году вернулся с Западного фронта, будущее представлялось безрадостным. Выполняя условия Версальского договора, Германия сокращала армию, и тысячи лейтенантов, обер-лейтенантов, гауптманов, майоров оставались без средств к существованию и растерянно толкались на переполненных биржах труда. Некоторые нанимались простыми рабочими к своим бывшим подчиненным, и те покровительственно хлопали по плечам некогда строгих офицеров. Краузе такого не хотел – он проедал последние марки, когда судьба свела его с Лоттой. Она понравилась ему сразу, а позже выяснилось, что и он ей. С армейской прямоотой Краузе признался в любви и не скрыл своего бедственного положения.

– Я поговорю с отцом! – пообещала Лотта.

Это прозвучало многообещающе, но Краузе не поверил. Они познакомились с Лоттой в дешевой пивной (позже выяснилось, что Лотта зашла в нее случайно), как мог помочь ему отец бедной девушки? Краузе обещали содействие люди влиятельные, но даже в полицию не сумели устроить.

Следующим утром к подъезду его обшарпанного дома подкатил черный «кадиллак», и шофер в кожаной тужурке сообщил потрясенному Эрвину, что господин Леманн приглашает господина Краузе в свое поместье. Отставной гауптман облачился в парадный мундир, нацепил ордена и отправился к отцу Лотты.

– Дочь сказала, что любит вас, – без долгих предисловий сказал ему низенький, пухленький Леманн. – Я ей верю.

– Я тоже люблю ее! – поспешил заверить Краузе.

– Похоже на правду, – согласился Леманн, пронзив его цепким взглядом. – Лотта уверила: вы не знали, чья она дочь. Я сомневался, но теперь вижу: она права. Это хорошо характеризует

вас, Краузе. Я человек простой, богатства достиг трудом, поэтому ценю в людях честность. Лотта сказала: вы ищете работу. Я могу предложить ее. Но мундир придется снять...

– Я ничего не умею! – смутился Эрвин. – Меня учили воевать...

– Большое поместье – это большое хозяйство. Бывший ротный командир сможет управлять сотней работников. Или я не прав?

Краузе горячо подтвердил, что господин Леманн абсолютно прав и, вне себя от радости, побежал разыскивать Лотту. Через месяц они объявили о помолвке, через полгода поженились. Это были счастливые двадцать лет. Появление в Германии фюрера не слишком огорчило Краузе – хватало других забот. Даже с началом польской войны он не озаботился: вермахту хватало молодых, честолюбивых офицеров, а ему шел сорок пятый год. Но перед восточной кампанией о нем вспомнили...

Влияния тестя не хватило, чтоб уберечь Краузе от мобилизации, но престарелый Леманн сумел выпросить зятю место в тыловой части. Он поступил мудро. Дорога на Восток была усеяна могилами поседевших гауптманов, которых Германия забыла в 1920-м и вспомнила, когда фюреру понадобилось пушечное мясо. К счастью, не только оно. Германия захватывала территории и города, ими следовало управлять. В маленькие и большие города хлынули районные и окружные комиссары, все они были питомцами НСДАП. Краузе в партии не состоял, но Город находился в тылу действующей армии, комендантов здесь назначал вермахт...

Грохот сапог оторвал Краузе от воспоминаний. Клаус показался в двери и принял подобострастный вид.

– Где ты шлялся, болван? – буркнул гауптман. – Подавай умываться!

Клаус исчез и появился с тазиком и кувшином. Он аккуратно наполнил таз подогретой водой, затем сходил за бритвой. Через пять минут умытый и чисто выбритый Краузе застегивал мундир.

– Что на завтрак? – спросил, все еще демонстрируя недовольство. Комендант не должен ждать своего денщика.

– Смею просить господина гауптмана погодить с завтраком, – ответил Клаус. – У ворот дожидается русский. Он просит принять его.

– Я должен делать это натошак? – разозлился Краузе.

– У русского большая корзина с продуктами, – невозмутимо сказал Клаус. – Я видел там яйца, шпик, коровье масло и глиняный кувшинчик со сливками. Русский уверяет: они свежие.

– Так хорошо знаешь русский язык, что понял это? – все еще сердито сказал гауптман.

– В этом нет нужды. Русский говорит по-немецки...

Сливки были свежими. Краузе понял это сразу. В поместье Леманнов он каждое утро лил в чашку густую белую жидкость и навсегда запомнил, как выглядит только что сепарированное молоко. Вкус русских сливок был такой же: горьковатый, маслянистый. Краузе физически ощущал, как густая жидкость, проходя пищевод, растекается по стенкам желудка, гася боль... Краузе промокнул губы салфеткой и обернулся. Русский и Клаус стояли у порога.

– Гут! – не сдержался гауптман.

Клаус довольно ухмыльнулся, русский вежливо наклонил голову.

– Прошу господина коменданта попробовать другие продукты, – сказал он по-немецки с еле заметным акцентом. – Все свежее, лучшего качества.

– Потом! – махнул рукой Краузе.

Денщик подскочил и забрал корзину. Русский остался. Краузе сделал жест, чтоб подошел ближе. Русский повиновался. Остановившись в двух шагах, он смотрел на коменданта, ожидая, когда хозяин заговорит. Краузе, не спеша, рассматривал гостя. Русский был молод, не старше тридцати. Выше среднего роста, лицо продолговатое, волевой подбородок. Серые, умные глаза смотрят без страха. Одет как простой селянин, но явно не из их числа. Да и одежда с чужого плеча – рукава полотняной рубахи коротковаты...

– Откуда знаете немецкий? – спросил Краузе (он сам не заметил, как употребил «вы»). – Учили в школе?

– В этом не было нужды. Мой отец немец.

– Вы можете это доказать?

– Только такой документ, – русский достал из кармана штанов потертую бумагу и протянул ее коменданту. Краузе развернул. Машинописная копия с подписью и печатью. На русском.

– Что здесь написано?

– Это приговор, – пояснил гость. – Кернер Эдуард Эрихович, то есть я, приговорен Особым Совещанием СССР к 25 годам лагерей за шпионаж в пользу Германии.

– Вы были нашим шпионом?

– Нет, господин комендант. Я ни в чем не провинился перед большевиками. Для того, чтобы стать шпионом в России, не нужно что-либо делать. Достаточно быть немцем.

«Не врет! – мысленно отметил Краузе. – Это хорошо. Но разобраться следует».

– Клаус! – позвал он. – Пригласи Ланге! – велел, когда денщик показался в двери. – Садитесь, герр Кернер! – предложил гостю. – Так зачем вы пришли?

– В первую очередь, показать вам продукцию местных селян, – ответил Кернер, присаживаясь на самый дальний от стола стул. «Знает свое место, – отметил Краузе. – Его хорошо воспитали». – Во-вторых, если продукты понравятся, договориться о поставках.

– Сколько вы можете предложить?

– Я знаю лишь возможности деревни, где сейчас живу. Тридцать килограммов коровьего масла ежедневно, к примеру.

– Тридцать? – изумился Краузе.

– Близ деревни расположена ферма – сотня коров. Удои и жирность молока у русских не такие, как в Германии, зато есть сепаратор и маслобойка.

«Клаусу с большим трудом удастся раздобыть немного масла офицерам к завтраку, – лихорадочно размышлял Краузе. – Солдаты едят маргарин. Они будут благословлять меня. Излишки масла можно солить и отправлять в Германию. Жиры в фатерланде по карточкам, а тут такое богатство...»

– Что хотите взамен? – сердито спросил Краузе, заметив, что Кернер внимательно наблюдает за его мимикой.

– Я слышал, господин комендант, немецким командованием установлены твердые закупочные цены...

– Русские не спешат ими воспользоваться! – возразил Краузе.

– Большевики отучили крестьян доверять деньгам. При старой власти в сельской местности была широко развита меновая торговля. Они называли это потребительской кооперацией. Селянин относил в специальный пункт излишки продуктов и получал взамен товары по своему выбору: мыло, соль, спички, ткани, керосин...

– Вы предлагаете организовать нечто подобное? – понял Краузе.

– Именно, господин комендант! Надеюсь, у армии великой Германии накопилось много трофеев. Большевики бежали так быстро! Если вы доверите, я стану посредником в этом обмене. Буду привозить в Город продукты, забирать товары... Сами понимаете, мы можем установить цены, какие наилучшим образом вознаградят нас за труд...

«Проще говоря, он предлагает грабить селян и делиться со мной прибылью, – понял Краузе. – Почему бы и нет? Даже в Германии такое сходит с рук, а здесь Россия...»

– Разумеется, господин комендант будет каждый день получать кувшин свежих сливок и совершенно бесплатно, – добавил гость, по-своему истолковав молчание гауптмана. – Селяне, приютившие меня, будут счастливы...

– Вы, случайно, не еврей? – не удержался Краузе.

– Кто здесь еврей? – послышался веселый голос, и в комнату вкатился офицер в черной форме – оберштурмфюрер Ланге. Вопреки своей фамилии (Ланге – большой), глава СД Города был мал, зато кругл и подвижен. Его румяное лицо светилось постоянной улыбкой. С такой же улыбкой, вспомнил комендант, Ланге неделю тому назад расстреливал пойманных в Городе коммунистов. При появлении эсесовца Кернер встал и поклонился.

– Господин комендант имеет в виду меня.

– Не похож! – бросил Ланге и протянул руку. – Документ!

Копию приговора он изучал тщательно (гость понял: эсесовец знает русский).

– Подлинник! – заключил Ланге, но бумагу не вернул. – Откуда это у вас?

– Вручили в тюрьме. У большевиков так принято.

– Как вы сбежали?

– Нас эвакуировали в Смоленск. Пешком. На колонну налетели немецкие самолеты, заключенные стали разбегаться. Охрана стреляла, но мне повезло...

– Это правда! – подтвердил Ланге, поворачиваясь к Краузе. – Я был там спустя пару дней. Дорога усеяна трупам. Сказали: никто не уцелел!

– Некоторым удалось. Мы ушли вдвоем: я и уголовник по имени Коля.

– Где он?

– В лесу мы разделились. Коля не хотел идти со мной дальше: уголовники не любят политических. Позже я слышал: его убили сельские.

– За что?

– Грабил...

– Правильно сделали, – заключил Ланге. – Чтоб грабить на этой территории, надо спросить разрешения. Почему сельские не тронули вас?

– Я не грабил...

– Но они дали вам одежду, продукты, повозку... Это ваша лошадь привязана к забору?

– Моя, герр офицер! Сельские напуганы и растеряны: одна власть исчезла, новой они опасаются. Я убеждал их, что немцы – культурная нация, что они, в отличие от большевиков, не будут угнетать простых людей. Нужно лишь повиноваться и соблюдать порядок...

– Вы слушали речи Геббельса?

– Нет. Но я предполагал...

– Правильно полагали!

– Словом, они накормили и одели меня. Поручили съездить в город и договориться о сотрудничестве.

– Что вы предложили коменданту?

– Поставку продуктов.

– И только?

– Другое – не в моей компетенции.

– Вы слишком долго жили с большевиками! – рассердился Ланге. – Они приучили вас бояться. Вкусно кормить немецких офицеров – это правильно, но мало. Вермахт, сокрушающий большевиков на полях сражений, нуждается в продовольствии. Вокруг города созрели хлеба. Их нужно убрать, обмолотить и привезти на склад. Центнер зерна с каждого засеянного гектара, четыре курицы и сто яиц со двора – обязательные поставки. Остальное можно продавать... Вы хотите быть гражданином Великой Германии?

– Да!

– Берите в свои руки управление заготовками! Вы жили в этой стране, знаете язык, людей, обычаи...

– Мне нужны полномочия.

– Получите!

– Понадобится вооруженная охрана. В лесах скрываются разбитые большевики.

– Наберите в селах достойных людей и приведите в Город. Принесут присягу фюреру, мы дадим им белые повязки с надписью «Полиция» и оружие. Склад забит трофейными винтовками... Разумеется, вы будете нести полную ответственность за тех, кого отберете. Право зваться немцем надо заслужить. Согласны?

– Да, герр офицер!

– Тогда запоминайте! Наш фотограф уехал в округ, но через улицу живет еврей, который делает снимки для документов. Берет дорого, но делает быстро. Мы пока разрешаем. К обеду принесете два фото, получите аусвайс и документ о полномочиях. Через день я жду ваших добровольцев. Потом последуют более подробные инструкции. Идите!

– Слушаюсь!

– Вдруг он шпион? – вздохнул Краузе, когда гость ушел.

– Шпион предъявил бы безукоризненные документы, – хмыкнул Ланге. – Разумеется, с большевистской точки зрения безукоризненные. Мне приходилось их видеть. Русские не умеют шпионить. Они прозевали начало войны, их армии бегут, солдаты и офицеры сдаются в плен. Коммунисты на допросах показывают, что еще несколько лет назад у них была создана отличная система противодействия оккупации страны. Приготовлены склады оружия, амуниции и продовольствия для партизанских отрядов, назначены руководители подполья, проводились учения... Но потом Сталин решил, что это не патриотично – допустить врага на свою территорию. Склады ликвидировали, систему разрушили...

– Но дать полномочия первому встречному...

– Наша армия стоит у Ленинграда и Смоленска. Через месяц-другой война закончится. У нас нет времени. Вы читали приказ о поставках? Чем быстрее хлеб, мясо, молоко и яйца начнут поступать на склады вермахта, тем больше почета будет тем, кто это организовал. Если Кернер нас подведет, мы расстреляем его – только и всего. Вам, Краузе, нет нужды делать карьеру, вас ждет поместье тестя. Мне нужно заслужить расположение командования...

Комендант не ответил.

– Не обижайтесь, Эрвин! – усмехнулся Ланге. – Я человек простой – говорю, что думаю. Кстати, ваш денщик, разбудив меня спозаранок, пообещал отличный завтрак из свежих продуктов. Где они?

– Клаус! – позвал Краузе...

Кернер-Крайнев, выйдя от коменданта, отвязал вожжи от забора. Часовой у крыльца сделал ему знак, Крайнев достал из корзины, прикрытой соломой, два яйца и отдал их солдату. Часовой тут же разбил носики о приклад, выпил яйца, пустую скорлупу бросил в палисадник. Подмигнул Крайневу.

– Приезжайте чаще!

– Теперь буду! – пообещал Крайнев.

Из дверей выскочил Клаус, сунул Крайневу пустую корзину.

– Данке! – поблагодарил Крайнев.

– Ваш деревенский шнапс – высший класс! – довольно сказал Клаус. – Привозите еще! И шпик! Мужчине, чтобы быть сильным в любви, надо хорошо питаться! – он довольно захохотал.

Крайнев попросился и сел в телегу. На перекрестке он свернул налево, на следующем – направо и остановился у деревянного домика. На его потемневшей от времени стене висел плакат, изображавший плутовато прищуренную рожу, вписанную в шестиугольную звезду. Надпись сверху, почему-то на украинском, утверждала: «Жид – це ваш відвічний ворог!» Крайнев заинтересованно подошел. Ниже звезды в трех столбцах текста, как понял Крайнев, скрупу-

лезно перечислялись еврейские грехи, а в самом низу большими буквами подводился итог: «Сталин та жида – це банда злочинців!» «Еще у них была листовка для красноармейцев: «Без жида-политрука, рожа просит кирпича!» – вспомнил Крайнев. Левее плаката в окне домика виднелась самодельная вывеска: «Фото на документы. 1 снимок – 3 рубля или 2 яйца». Крайнев пожал плечами и постучал в окошко. Показалась лохматая, всклокоченная голова, исчезла, спустя мгновение ворота отворились. Крайнев заехал внутрь, бросил вожжи и взял корзину, прикрытую полотном. Спрыгнув на траву, он заметил в огороде молодую женщину с мотыгой. Она с любопытством разглядывала гостя.

– Прошу господина в дом! – сказал фотограф, молодой худощавый еврей.

Крайнев прошел за ним. В большой комнате на одной из стен белел экран из простыни, под ним стоял стул.

– Садитесь! – пригласил хозяин.

– Как вас звать? – спросил Крайнев, проигнорировав приглашение.

– Давид...

– Меня – Эдуард. Я не могу сниматься в этом рядне, Давид, у меня будут серьезные документы. Нужна рубашка и костюм. Могу купить, если есть лишний. Заплачу рублями или продуктами. Есть сало, масло, яйца...

– Минуточку!

Давид исчез и скоро появился с женщиной, замеченной Крайневым в огороде.

– Вот, Соня! – робко сказал Давид, пропуская женщину вперед. – Товарища интересуется костюм...

– Покажите продукты! – строго сказала Соня.

Крайнев поставил корзину на стол, откинул полотно. Соня наклонилась и некоторое время тщательно рассматривала продукты, затем понюхала их.

– Яйца свежие?

Крайнев взял одно яйцо, разбил носик о спинку стула, отломил скорлупу.

– Пробуйте!

Соня поднесла яйцо ко рту. Давид смотрел на нее жадным взглядом. Соня отпила немного и передала яйцо ему. Давид высосал содержимое в один миг. Соня прошла за ширму и скоро вернулась с черным строгим костюмом в руках.

– Как раз на вас! Два раза недели. Пятьсот рублей!

– Разрешите примерить?

Крайнев взял костюм и скрылся за ширмой. Подскочивший Давид дал ему чистую белую рубашку с мягким воротничком, галстук. Крайнев переоделся. В комплекте к костюму шли не брюки, а галифе из черного плотного габардина. Соня оказалась права: костюм будто на него шили. Крайнев вышел в комнату, покрасовался перед зеркалом.

– Беру! Сколько за все?

– Семьсот!

Крайнев достал из кармана пачку сотенных купюр, отсчитал семь листов.

– А продукты? – растерянно спросил Давид.

– Продукты отдаю так. При условии, что накормите обедом. Проголодался...

Полчаса спустя они втроем сидели за столом и хлебали горячий борщ. На второе Соня подала яичницу с салом. Хозяева смотрели на нее так жадно, что Крайнев взял себе совсем немного. Ели по-городскому – из тарелок, с приборами. Самогон Крайнев разливал по хрустальным стопкам.

– Вы странный человек, – сказала Соня, ставя перед ним стакан с компотом. – Получаете от немцев важный документ, а не гнушаетесь сидеть за одним столом с евреями. И не просто сидеть, а кормить их. Видели плакат? Немец повесил! Запретил снимать...

– Соня! – застонал Давид.

– Пусть говорит! – успокоил его Крайнев. – Я отвечу вам, Соня. Евреи не сделали мне ничего плохого.

– Они и немцам не сделали!

– Немцы с этим не согласны.

– Мы с ними тоже!

Давид вцепился себе в волосы. Крайнев рассмеялся. Затем достал из кармана кисет, набил трубку.

– Невеста вышивала? – спросила Соня, с любопытством рассматривая красивый кисет.

– Просто знакомая.

– Знакомым так не вышивают! – не согласилась Соня. – Могу я спросить?

– Разумеется.

– Чем будете заниматься у немцев?

– Заготовкой продуктов.

– Работники нужны?

– Хорошие.

– Мы будем хорошо работать!

– Так у вас есть дело! – сказал Крайнев, выпуская дым. – Два яйца за снимок...

– Никто не фотографируется! – сердито сказала Соня. – Дорого! Голодаем...

– Снизьте цену.

– Немец запретил! Тот самый, что вешал плакат. Это фотограф, он берет яйцо за снимок, а нам велел брать два. Цену снижать нельзя, поэтому все снимаются у немца. К нам приходят, когда он уезжает в округ. Приходят редко – люди предпочитают подождать день-другой. Вы сегодня первый и, наверное, единственный клиент.

«Классический пример недобросовестной конкуренции! – подумал Крайнев. – С анти-семитским душком...».

– Что умеете делать, кроме фото? – спросил.

– Я окончила мединститут, стажировалась как хирург, – печально сказала Соня. – Диплом получить не успела.

– Почему не работаете в больнице?

– Немцы запрещают евреям лечить! Даже к пленным не пустили!

– Здесь есть пленные? – удивился Крайнев.

– Лагерь в совхозном дворе за городом... – вмешался Давид. – Человек двести.

– Уже меньше, – вздохнула Соня. – Их почти не кормят и совсем не лечат. Там было много раненых. Недалеко от Города шел бой на дороге, там их взяли...

Крайнев молча докурил, встал. Давид сбегал в чулан, принес слегка влажные снимки. Крайнев сунул их в карман.

– Присмотрите за конем! – попросил, выходя во двор.

Соня вышла проводить.

– Спешите? – спросила за порогом.

Крайнев бросил взгляд на часы:

– Нет.

– Тогда расскажу. Немцы, заняв город, нашли и арестовали несколько коммунистов. Затем согнали жителей на стадион – смотреть на расстрел. Рядом с коммунистами поставили Яшу...

– Кого?

– Яшу Соркина. Наш городской дурачок. Его отец рисовал на щитах афиши к кинофильмам, а Яша разносил их по городу. Он высокий, сильный, только ум, как у трехлетнего. Все время улыбался. Встретишь, спросишь: «Яша, фильм хороший?» «Ха-а-роший!» – отвечает. У него все были «хорошие»... Безобидный дурачок, его даже дети не трогали. Он стоял у стенки

рядом с коммунистами и улыбался – не понимал, что происходит. Немец в черном мундире заулыбался в ответ и скомандовал...

Крайне молча пошел к калитке, Соня не отставала.

– Чей это костюм? – спросил Крайнев, берясь за щеколду.

– Мужа.

– А Давид?

– Это мой брат, младший. Ему только девятнадцать. После школы окончил курсы, работал в быткомбинате фотографом. Когда все ушли, забрал аппаратуру и материалы домой – все равно бы растащили. Здесь такое было! Магазины грабили, из учреждений мебель выносили... Власти-то нет... Немцы, как пришли, велели все вернуть. Кто не подчинится, угрожали расстрелять. Мы не подчинились.

– Где ваш муж?

– В армии. Мы учились вместе, только он на два курса старше. Военврач третьего ранга. Поженились перед войной, через неделю его мобилизовали... – Соня смотрела на него умоляюще.

– Я вернусь через час, – сказал Крайнев, открывая калитку. – К этому времени все вещи должны лежать в телеге, а вы – сидеть рядом. – Ничего громоздкого с собой не брать – одежда, обувь, ценности. Возьмите медицинские инструменты и лекарства, фотоаппарат и материалы...

Соня встала на цыпочки и поцеловала его в губы.

5

Танк полз прямо на него. Саломатин отчетливо видел смотровую щель механика-водителя, содранную ударом снаряда краску на корпусе под башней, блестящие стальные траки. С траков летели вперед комья земли. Рева мотора, грохота выстрелов и лязга гусениц он не слышал.

«Оглох! – понял Саломатин. – Контузило...»

Он хотел откатиться с пути движения танка, но тело не повиновалось. Он рванулся изо всех сил, но остался недвижим. Танк тем временем подполз со всем близко, нижняя кромка днища проплыла над лицом Саломатина, и стальная махина закрыла для него свет. Стало совсем темно. Саломатин ждал, что танк пройдет дальше, и он снова увидит небо. Но над ним по-прежнему было темно – танк остановился. Саломатин явственно ощущал запах бензина, жар, исходящий от двигателя. Жар становился все сильнее, вот уже все тело его охватил огонь. Саломатин замычал, пытаясь стронуть с места отказавшееся повиноваться тело, и ощутил на своем лбу прохладную ладонь.

– Лихоманка у вас, таварыш командир...

Саломатин узнал голос Артимени, вестового. Открыл глаза – над ним по-прежнему было темно. Он с усилием поднял руку – ладонь ощутила прохладный металл. Это не танк. Сеялка. Единственное укрытие от солнца и дождя на совхозном дворе. Под ее железным днищем вчера прятались трое раненых. Остался он один.

Саломатин скосил взгляд. В расветном полумраке были видны лежавшие прямо на земле тела спящих бойцов. Это мехдвор. Плен...

Артименя исчез и вскоре появился с пилоткой в руках. В пилотке была вода – холодная, с явственным запахом бензина и солидола. Воду пленные берут из большого бака, предназначенного для технических нужд. До войны его использовали для мойки техники. Другой воды здесь нет...

Артименя поднес край пилотки к губам Саломатина, дал ему глотнуть, затем зачерпнул воду рукой и щедро омыл Саломатину лицо и грудь. Стало легче. Саломатин тихо поблагодарил, Артименя вздохнул и пристроился рядом – досыпать. Саломатину не спалось. Шея ныла, но рану уже не рвало и не дергало, как несколько дней назад. Просто горело огнем, и это было хуже всего. День-другой – и его погрузят на телегу. В полукилометре от мехдвора есть старый скотомогильник, трупы возят туда. Когда дно заполняется, немцы заставляют присыпать ряд земель – чтоб не так воняло. Иногда трупы лежат не засыпанными неделю. Семь дней он будет смотреть застывшими глазами в небо. Или глаза выключот птицы? Надо будет попросить бойцов, чтоб кинули лицом вниз...

Первых убитых их полк оставил на пути к Городу. Погибших было так много, что никому в голову не пришло хоронить. Бросили на дороге, как и сгоревшие грузовики. После того, как налетевшие пикировщики вкупе с истребителями в пять минут разгромили колонну, Саломатин оказался старшим по должности. Командир полка, начальник штаба, комбаты один и два – все погибли вместе с большей частью полка прямо в машинах. Саломатина более всего поразили убитые бойцы, сидевшие плечом к плечу в кузовах грузовиков. Прошитые очередями авиационных пулеметов, они ничего не успели понять. Саломатин увел уцелевших бойцов в лес и там пересчитал: четыреста тридцать семь человек. Из них три молоденьких лейтенанта, военврач, пожилая женщина из мобилизованных, интендант третьего ранга Брагин. Интендант и вывел их к полковому складу боеприпасов – они не доехали каких-то пять километров. У склада их ждала батарея трехдюймовок под командованием пожилого седоусого капитана. Он сумрачно выслушал рассказ Саломатина.

– Будем воевать? – спросил сердито. – Или по домам?

– Воевать! – жестко отрезал старший лейтенант.

– Снаряды только шрапнельные. Танк не возьмет, даже при трубке на «гранату». Заряд-то пороховой...

– Будем стрелять по пехоте...

Саломатин кипел от злости и жажды мщения. Гибель большей части полка поразила его не столько своей бессмысленностью, но какой-то неправильностью. Погибнуть в бою – это понятно и объяснимо. Но когда тебя, как куропатку, расстреливает сверху неуязвимый враг... Было обидно до слез: на своей земле они пробирались лесами, как воры, а наглый враг катил по дорогам. Что ж... Он, комбат-три, выполнит боевую задачу полка: перережет дорогу, ведущую в тыл обороняющейся Красной Армии, оседлает ее и задержит продвижение противника на два-три дня. После чего можно уходить на соединение со своими частями...

Он сам выбрал позицию. Та, что была определена штабом полка на карте, оказалась на открытом месте, поредевшего батальона не хватало, чтобы прикрыть столь протяженный участок. На новой позиции удлинялось плечо подвоза боеприпасов, но батальону их требовалось меньше, чем полку. Каждый солдат взял на плечо по ящику с патронами, для снарядов мобилизовали в деревне несколько телег – доставили! Зато позиция у сонной речушки была хороша. Подумав, Саломатин не стал взрывать мост: немцы сразу заподозрят неладное и станут прочесывать окрестности. Удар должен быть внезапным. Пусть только выедут на дорогу! У них были самолеты, у нас – шрапнель...

К полудню они успели открыть окопы, а разведка привела к нему задержанных на том берегу реки инкассатора и сопровождавшего его бойца с повозкой. Оба следовали из Города. Саломатин проверил документы и разрешил им держать путь дальше.

– Можно с вами?! – попросился инкассатор. – На телеге мы далеко не уйдем: у немцев машины. Вас здесь много, со мной деньги... Я умею стрелять!

Саломатин разрешил, и инкассатор побежал занимать место в цепи. Сумку с деньгами он прихватил с собой. Пожилого бойца с повозкой взял под свое покровительство интендант Брагин, на ней они до вечера возили боеприпасы со склада.

Колонна грузовиков появилась на следующий день. Сначала прикатила разведка на мотоциклах. У реки она остановилась, немцы деловито обследовали мост, убедились, что не заминирован, и один мотоцикл затарахтел обратно. Остальные рванули по дороге. Старой вырубкой они не заинтересовались (Саломатин лично проверял маскировку окопов) и скоро скрылись за лесом. Только затем на том берегу появились грузовики. Огромные, тупорылые, они осторожно подъезжали к мосту, медленно переваливали через него и вновь выстраивались на дороге. Некоторые тащили за собой легкие противотанковые пушки. Грузовиков было много, Саломатин насчитал десятков на этой стороне, а к мосту подъезжали еще и еще... Надо было открывать огонь – передние машины уходили из сектора обстрела. И он скомандовал...

Артиллерия не подвела. Накануне она провела пристрелку и ударила точно по реперам. Облачка разрывов раскрылись над брезентовыми кузовами, осыпав немцев градом каленной шрапнели. «Правильные» пушек тут же сдвинули лафеты; трехдюймовки ударили еще и еще... Три «максима» плотными строчками прочертили борта грузовиков, добивая тех, кому не досталось шрапнели. Немногие уцелевшие немцы соскакивали на дорогу и попадали под дружный огонь винтовок.

«Так вам! – зло шептал Саломатин, наблюдая, как валятся в пыль фигуры в мышинных мундирах. – Получите! Земли нашей захотелось? Жрите!..»

Немцы на той стороне сориентировались мгновенно. Батальон Саломатина еще добивал последних врагов, когда из-за реки прилетели снаряды. Следом застрочили пулеметы. Трехдюймовки перенесли огонь за реку, и скоро огонь ослабел, затем и вовсе стих. Шрапнель делала свое беспощадное дело. Из-за реки послышался гул моторов – враг отступал. Высланная комбатом разведка это подтвердила. Сколько они положили за рекой, узнать не удалось – немцы

унесли как раненых, так и мертвых. Зато на дороге перед вырубкой осталось одиннадцать тупорылых «манов», в кузове каждого – с полсотни трупов. За гибель товарищей батальон рассчитался сполна. Саломатин велел собрать оружие убитых. У леса выросла гора винтовок, автоматов, красноармейцы принесли два десятка ручных пулеметов. Саломатин обрадовался и до вечера осваивал с отобранными бойцами трофейное оружие. Огневая мощь батальона в результате возросла многократно. Он еще не догадывался, что все это напрасно... Захваченные пушки пришлось взорвать – к ним не было снарядов. Бойцы разжились трофеями: часами, губными гармошками, едой и выпивкой. Саломатин потратил вечер, проверяя, чтоб не перепились на радостях. Но веселиться не мешал. После расстрела полка у красноармейцев был подавленный вид, скоротечный бой на дороге окрылил всех. Даже похороны бойцов, погибших от скоротечного немецкого артралета, не остудила общую радость. У костров пели песни, играли на губных гармошках и даже пытались плясать.

Пленных не было – немцы не сдавались. Даже легкораненые воевали до конца, стреляя из-за колес, и их пришлось добивать. Тяжелораненых Саломатин велел оттащить на тот берег и оставить – свои подберут. Военврач настояла, чтоб каждого предварительно перевязали. Среди трофеев оказались йод, бинты и вата, поэтому Саломатин не препятствовал. Он запомнил, с каким сосредоточенным видом врач обрабатывала раны немцев, а те благодарно шептали: «Данке!». По-настоящему немцы отблагодарили врача на следующий день, когда расстреляли ее вместе с ранеными...

Тяжелораненых надо было добить. Или оставить на своей стороне. Они поведали своим то, что упустила разведка на мотоциклах. Чистоплюйство его подвело. Это война... Батальону следовало уйти в тот же вечер. За спиной лес, раствориться в нем не составило бы труда. Но у них так хорошо получился первый бой... А приказ держаться два-три дня?..

Разрывы разбудили их на рассвете – разведка прозевала сосредоточение немцев. В этот раз это били не малокалиберные пушки, а тяжелые орудия – враг их зауважал. Пока они прятались от снарядов в окопчиках, реку форсировали танки и развернулись на лугу... Саломатин видел, как артиллеристы повернули трехдюймовки и били по танкам прямой наводкой. Те содрогались от попаданий, но упорно ползли вперед. Саломатин хотел отдать приказ отступить, но в этот момент пуля ударила его в шею...

Очнулся он уже на дороге. Двое бойцов, в том числе верный Артименя, держали его под руки. Болела шея, гимнастерка слева была залита кровью, Саломатина шатало, но он постарался стоять самостоятельно. Вокруг были немцы, они держали их на прицеле. Ждали. Скоро Саломатин понял, кого. Объезжая разбитые машины, к пленным подкатила легковая машина. Из нее вышел высокий седой генерал. Саломатин узнал его.

– Кто командир? – спросил генерал, обращаясь к пленным.

– Я! – ответил Саломатин, стараясь не упасть. Ему это удалось.

– Говорите по-немецки? – удивился генерал. – Хорошо, – он шагнул ближе, всмотрелся, но, как понял Саломатин, не узнал. – Ваше имя, звание?

– Старший лейтенант Василий Саломатин.

– Всего лишь обер-лейтенант? – вновь удивился немец. – Сколько у вас было людей, герр Саломатин?

– Четыреста тридцать семь... И батарея пушек.

– Мне доложили, что дорогу оседлал по меньшей мере полк! – генерал бросил уничтожающий взгляд на сопровождавшего его тучного полковника. Тот побагровел. – Какой у вас был приказ? – повернулся генерал к Саломатину.

Старший лейтенант хотел промолчать, но почему-то не смог:

– Остановить продвижение противника на два-три дня.

– Вы выполнили его! К тому же проявили гуманность в отношении раненых немецких солдат. Это делает вам честь! Немцы – культурная нация, мы ответим тем же. Вам окажут необходимую медицинскую помощь...

Генерал уехал, но приказ его подействовал: Саломатина и других раненых перевязали. Затем отвели на этот мехдвор. «Их гуманизм в том, чтобы заставить умирать долго и в муках! – подумал Саломатин, наблюдая из-под сеялки за редущим сумраком. – Лучше бы пристрелили сразу! Сволочи!..»

Когда рассвело совсем, Артима вытащил командира наружу и прислонил спиной к сеялке. Так велел Саломатин. При виде командира люди вспоминали, что они бойцы. Вчера чуть не случилась драка из-за еды – кучки кормовой свеклы, сваленной немцами прямо на землю. У Саломатина еще достало силы крикнуть... Свеклу разрезали на куски заточенной о камень полоской железа, поделили по справедливости. Бойцы, ворча, забирали свою долю. Крайнев поймал на себе несколько ненавидящих взглядов. Сегодня он уже не сможет прикрикнуть, Артима и несколько поддерживавших его сержантов не справятся. От голода люди звереют. Может, немцы добиваются этого? Будут смотреть, как они передушат друг друга?

Пленные проснулись, потянулись к баку с водой – пить и умываться. Несколько человек остались лежать: мертвые или доходяги, как он. Саломатин попросил Артима проверить. Тот скоро вернулся – за ночь умерло двое. Трое, как и Саломатин, были совсем плохи. «Всего восемьдесят два живых, – мысленно подвел итог Саломатин. – Завтра останется семьдесят девять. Пригнали сто тридцать шесть. Пятьдесят четыре человека за три недели...»

Напившись, пленные рассаживались на земле, ловя ласковые утренние лучи. Через час-другой будут искать хоть краешек тени – солнце в этом году немилосердное. Люди молчали: обо всем переговорено за эти дни, все слова сказаны. К тому же надо беречь силы. Еду привезут не раньше полудня... Саломатин прислонился головой к прохладному металлу сеялки...

Два года назад он носил две «шпалы» в петлице и командовал стрелковым батальоном. «Шпалы» были новенькими, Саломатина произвели в майоры прямо из старших лейтенантов. Нещадно прополотая НКВД Красная Армия нуждалась в командирах, люди росли в званиях и должностях, перешагивая сразу через две-три ступеньки. 17 сентября дивизия Саломатина перешла границу с Польшей. Поляки почти не стреляли. Дивизия дошла до Буга и встала на левом берегу. На той стороне были немцы. Саломатина вызвали к комдиву.

– В личном деле написано, что знаешь немецкий, – сказал тот. – В самом деле?

– Когда родители умерли, воспитывался в семье немца, – ответил Саломатин и добавил, заметив поднявшиеся домиком брови комдива. – В Саратове. Немец сапожником был...

– Будешь переводить! – велел комдив.

Саломатин перешел мост и договорился о встрече. Она состоялась на следующий день. С нашей стороны был командующий армией, с немецкой – тот самый седой генерал, не узнавший Саломатина на дороге из Города. Генералы жали другу руки, улыбались. Скалили зубы и сопровождавшие немца офицеры. Улыбки были искренние – немцев переполняла радость. Они были счастливы, что завоевали большую страну всего за три недели и малой кровью. Русские, в отличие от поляков, не были врагами – фюрер заключил с ними пакт о ненападении. Командарм пригласил немцев на свой берег, где их провели в расположение одной из дивизий, познакомили с офицерами и солдатами, показали технику. Затем пригласили за стол. Интенданты командарма расстарались: столы были накрыты белоснежными скатертями, густо уставлены блюдами с жареным и вареным мясом, овощами, бутылками с водкой... Командарм, как и Саломатин, был из назначенцев, армию получил после полка и упивался своей властью. Саломатину почти ничего не удалось попробовать – переводил. Тост за фюрера – тост за Сталина, тост за победоносную немецкую армию – тост за не менее победоносную Красную... Пили за офицеров и солдат, их оружие, стойкость, храбрость, дисциплинированность... Чем далее, тем более запутанными и витиеватыми становились тосты, запомнить и перевести их точно было

невероятно сложно, Саломатин и не старался. Любое слово немцы и наши встречали дружным ревом и звоном фужеров. Скоро немцы надрались так, что не смогли на своих ногах уйти. Саломатин сбегал через мост, договорился, и дежурный немецкий офицер прислал несколько машин.

Немцам прием чрезвычайно понравился, они не захотели оставаться в долгу и назавтра пригласили к себе. Немецкий генерал, видимо, решил превзойти русских – гостям показали все. Танки, пушки, пулеметы, кургузые, неуклюжие автоматы... Возле высокого бронетранспортера на полугусеничном ходу немецкий генерал сам давал пояснения.

– Новейшая разработка, секретный проект, – переводил Саломатин. – Как вы знаете, господа, мы воюем стремительно. Танки прорывают фронт, следом движется пехота. Но пехота едет на простых грузовиках, она уязвима для стрелкового оружия. В «ханомаге» ее защищает броня, а бронетранспортер вооружен пулеметом МГ на турели. «Ханомаг» может идти в наступление даже без поддержки танков! Пока таких машин единицы, но через пару лет будут тысячи...

Бронетранспортер не заинтересовал командарма, но Саломатин, воспользовавшись минутой (с немецкой стороны был переводчик), осмотрел машину. Немецкий генерал не врал – бронетранспортер выглядел мощно. В Красной Армии о таких машинах не слышали. Саломатин представил, как на его батальон движется эта черная громада, и немцы из-за брони спокойно расстреливают его солдат...

Немцы не ударили лицом в грязь, и во время банкета столы ломились. В этот раз надирались русские – не они несли ответственность за порядок на правом берегу. Немцы не отставали. Перед банкетом гостям ненавязчиво показали несколько палаток с чистыми койками и сказали: любой русский офицер по желанию может переночевать здесь. Предложение понравилось. Оба генерала к вечеру покинули шумное общество, оставшиеся за столом к ночи перепились – как немцы, так и русские. Все разбрелись по своим палаткам. Саломатин, и в этот вечер оставшийся трезвым, к полуночи вышел якобы по нужде и прошелся к мосту. Часовых не было. Немецкие солдаты в праздновании победы не отставали от офицеров: кого им было бояться? Польша лежала поверженная, русские оказались отличными парнями, на несколько километров вокруг стояли войска... Саломатин запрыгнул в «ханомаг», стоявший у самого моста, завел мотор и на тихом ходу перебрался на свой берег. Там он отогнал бронетранспортер на несколько километров от реки, укрыл в лесу и тихонько вернулся в палатку на немецкой стороне.

Утром их разбудили крики. Выползавшие из палаток похмельные красные командиры недоуменно глядели на эту суету. Приехал немецкий генерал, затем, видимо извещенный через посыльного, русский командарм. Красных командиров довольно невежливо пересчитали – все были на месте. Немецкий генерал, не стесняясь, орал на своих офицеров, те стояли с помятыми лицами, туго соображая, чего от них хотят.

– Кто мог угнать «ханомаг»? – бушевал генерал. – Кто?

Немецкие офицеры молчали.

– Если господин генерал позволит... – встрял Саломатин.

Генерал глянул на него волком, но смолчал – майор Красной Армии ему не подчинялся.

– В окружающих нас лесах прячутся остатки разбитой польской армии, – как ни в чем не бывало, продолжил Саломатин. – Три дня назад нашу часть обстреляли, были потери. Думаю, диверсия – их рук дело.

Немец сердито захлопал глазами и кивнул. За неимением других виноватых, поляки гонимы. Русская делегация вернулась к себе хмурая – не оправдалась надежда на опохмел, немцы после случившегося глядели на гостей хмуро. Прощались холодно. Командарм, садясь в машину, ругал поляков и обещал накрутить им хвост...

Два часа спустя Саломатин стоял перед ним навтытяжку, и командарм орал на него, стуча по столу кулаком:

– Сукин сын! Провокатор! Из-за тебя войну могли начать! Под трибунал пойдешь! О чем ты думал?!

– О Родине думал! – ответил Саломатин...

Командарм умолк. Саломатина посадили под арест, а через пару дней в часть приехала целая делегация из офицеров и штатских, Саломатин показал им «ханомаг», рассказал о бронетранспортере все, что знал.

– Угнал бы по заданию – ходил бы с орденом! – сказал ему пожилой штатский – как было видно по всему, главный в делегации. – Но раз сам... Командарм твой люрует – с немцами поссорились. Терпи, казак! Замолвлю словечко...

Трибунала не случилось, но Саломатина разжаловали обратно в старшие лейтенанты и перевели из строевой дивизии в учебный полк – готовить новобранцев. Там он и проторчал до начала войны. Он не жалел о содеянном. В СССР каждый школьник знал: война с фашистской Германией неизбежна. Саломатин считал, что сделал нужное дело. Родина не отблагодарила – ладно! Могли и расстрелять под горячую руку. В душе он надеялся, что рисковал не зря: наши инженеры быстро создадут оружие, подобное «ханомагу». Сейчас не тридцатые годы, новая техника идет в войска потоком. Вздумай немцы напасть на СССР, их встретят на границе тысячи бронированных машин, ослепят огнем, раздавят гусеницами и погонят до самого Берлина! Возможно, тогда о нем вспомнят. Ордена ему не надо, вернули бы батальон!

По злой насмешке судьбы, батальон ему вернули немцы. После огромных потерь в приграничных боях Красная Армия спешно формировала новые полки и дивизии. Опытных командиров не хватало, а Саломатин успел повоевать – если, конечно, считать освободительный поход в Западную Белоруссию войной.

– Покажешь себя в бою – вернут звание, как дали батальон, – сказал ему комдив. – Сам похлопочу!

Вот Саломатин и показал... Немцы разгромили батальон в считанные минуты. Со слов попавших в плен солдат Саломатин ясно представлял, что произошло в тот день. После его ранения командование пыталось взять на себя Брагин, но и его ранило. Пожилой солдат-обозник погрузил интенданта в телегу и увез. Оставшийся без управления батальон превратился в толпу. Многие пытались бежать, но немцы огнем орудий отсекали беглецов от леса, а затем спокойно перестреляли и раздавили гусеницами тех, кто пытался сопротивляться. Если кто и спасся в лесу, то благодаря артиллеристам, которые стреляли до последнего...

Пронзительно заскрипели ворота мехдвора, и Саломатин удивленно поднял голову – до полудня еще далеко. Но это была не телега со свеклой. Вошли десятка два немецких солдат во главе с лейтенантом. Офицер, сердито крича, заставил пленных выстроиться у забора. Саломатина и еще двух доходяг, которые не могли стоять, подтащили и прислонили к теплым доскам. Закончив построение, немцы взяли бойцов на прицел.

«Расстреляют! – понял Саломатин. – Ну и правильно! Что толку мучиться...»

Похоже, и остальные пленные думали так же: никто не дернулся, не закричал. Стояли, хмуро поглядывая в нацеленные на них дула винтовок. Но немцы не стреляли. Появились два немецких офицера. Один, худой и высокий, был одет в обычную форму, другой, маленький и круглый, – в черную. Немцев сопровождал штатский. Этот одет был по-нашему: в черные галифе, заправленные в сапоги, пиджак и рубашку с галстуком. Высокий, крепко сбитый, самоуверенный. Офицеры и штатский встали напротив пленных. Немцы заложили руки за спину, русский оставил их по швам.

– Стоять тихо и слушать господина коменданта! – выкрикнул русский, и Саломатин сразу понял – гнида! Предатель... «Гнида» поклонилась высокому немцу, тот в ответ небрежно кивнул.

– Немецкое командование отправляет вас на сельскохозяйственные работы, – стал переводить русский лающую речь немца. – Вы поступаете в распоряжение уполномоченного по заготовкам господина Кернера, то есть меня, – уточнил «гнида». – Все обязаны беспрекословно повиноваться и выполнять мои распоряжения. Понятно?

Строй молчал.

– Добавлю, – выступил вперед кругленький эсесовец. Он говорил по-русски с сильным акцентом. – Уполномоченному Кернеру и его людям даны самые широкие полномочия в обращении с пленными красноармейцами и командирами. Вплоть до расстрела.

Кернер приосанился и выступил вперед.

– Будете хорошо работать, получите хорошее питание, – сказал он небрежно. – Это в ваших же интересах. Не то сдохнете здесь – и все дела. Ясно?

Ему никто не ответил, и «гнида» посмотрел на коменданта. Тот кивнул. Уполномоченный повернулся к воротам и сделал знак. Во двор въехала телега, груженная большими бидонами и корзинами. Телегу сопровождали хмурые дядьки с белыми повязками на рукавах полотняных рубах. На плече у каждого висела винтовка.

– Нам предстоит долгий путь, поэтому всех покормят, – сказал уполномоченный. – По прибытии на место накормят еще. Это аванс...

Последние слова Кернера потонули в гуле голосов. Пленные, увидевшие корзины и услышавшие про еду, не смогли сдержаться. Гул нарастал, строй стал колебаться. Кернер сдернул с плеча ближайшего дядьки винтовку, передернул затвор и выстрелил в воздух. Во дворе мгновенно затихло.

– Смирно стоять! – зло крикнул «гнида», потрясая винтовкой. – Всех накормим. Кто не подчинится – застрелю! Ясно?

Ему не ответили, но строй выровнялся. Двое дядек подтащили корзину – там лежали толстые ломти хлеба. Хлеба бойцы Саломатина не видели уже месяц, при виде его строй колебнулся, но тут же застыл под бешеным взглядом уполномоченного. Дядьки молча совали в руки в руки каждому по ломтю, бойцы тут же впивались зубами в душистую черную мякоть. Торопливо набивали рот в надежде получить еще, когда корзину понесут обратно, давились, кашляли. Другие дядьки в ответ на это черпали из бидона кружками, давали запить.

– Вы даете им молоко? – изумился эсесовец, заглянув в бидон. Он перешел на немецкий.

– Это обрат, – пояснил Кернер тоже на немецком, – получается при отделении сливок из молока. Обычно его дают телятам, но у нас нет столько молодняка, поэтому выливаем. Хотите попробовать?

Эсесовец засмеялся и покачал головой.

– Однако вы хорошо их кормите, – заметил он, когда дядьки сняли вторую корзину с воза.

– Им предстоит пройти двадцать километров, а у меня только две телеги.

– Пристрелите отставших – и дело с концом!

– В деревне каждые руки на счету, большевики успели мобилизовать молодежь...

– То-то вы увели из Города двух молодых евреев, – лукаво улыбнулся эсесовец. – Я все знаю, Кернер, учтите!

– Разве плохо, если евреи работают на Германию? – пожал плечами уполномоченный. – Они жаловались, что здесь им нет применения. Могу забрать остальных.

– Остальные – старики, женщины и дети, – махнул рукой эсесовец. – Хватит с вас пленных. Кстати, ловко стреляете! Где учились? В армии?

– Большевики не призывали в армию лиц с высшим образованием. В школе была обязательная военная подготовка. Каждый молодой русский умеет стрелять.

– Однако это им не слишком помогло! – ухмыльнулся эсесовец...

Когда немцы, в том числе и солдаты, ушли, строй пленных сразу рассыпался. Бойцы сидели на земле, жевали, пили из кружек. Саломатину тоже сунули в руку ломоть хлеба, но он

просто держал его – есть ему не хотелось. Уполномоченный, проходя, внимательно посмотрел на него и что-то сказал одному из дядек. Тот подошел с кружкой.

– Выпей, сынок!

На раскрытой ладони дядьки лежала белая таблетка. «Что это?» – хотел спросить комбат, но промолчал. Какая разница, что? Он положил таблетку на сухой язык, запил из кружки. И только затем ощутил вкус – в кружке было молоко! Прохладное, свежее, вкусное... Он жадно допил и стал жевать хлеб. Мякиш был тоже свежим – хлеб испекли утром. Он не заметил, как съел все – до последней крошки. Хмурый дядька сунул ему второй ломоть, в другую руку дал полную глиняную кружку. Саломатин доедал, когда рядом очутился Артименя.

– Таварыш камандир, таварыш камандир... – востовой плакал.

– Что ты? – удивился Саломатин.

– Молоко... Забыв, якое яно... И хлеб... Дай бог гэтым людям...

Саломатин отдал ему остаток ломтя. Артименя с жадностью сжевал хлеб, затем допил остатки командирского молока.

– Помогите встать! – попросил Саломатин.

С помощью Артимени ему это удалось. Он даже не шатался. Заметив это, с земли стали подниматься бойцы. Постепенно во дворе стало тихо.

– Стройся! – тихо приказал комбат, но все слышали. – В колонну по четыре, повзводно!

Спустя минуту в мехдворе стоял строй. Бойцы в грязной, изорванной форме, истощенные, с обожженными на солнце лицами. Многие босые. Но это была воинская часть, его батальон...

– По улицам идти весело! – велел Саломатин. – Пусть видят...

Он не пояснил, кто и что должен увидеть, но все поняли.

– Шагом марш!

Батальон прошел мимо него, бойцы без команды повернули голову в его сторону, Саломатин едва удержался от слез. Батальон отдавал честь умирающему командиру. Он остается здесь – доходяги никому не нужны. Кернер последует совету эсесовца, и его пристрелят. Что ж...

Когда последний красноармеец прошел мимо, Саломатин пошатнулся и прислонился к забору. Внезапно подскочили дядьки, легко подняли исхудавшее тело старшего лейтенанта и, к его удивлению, погрузили в телегу. Здесь лежали и другие доходяги. Краем глаза Саломатин видел, как дядьки все так же деловито кладут в другую телегу тела умерших бойцов, прикрывают их соломой и ставят поверх корзины... Происходило что-то странное и непонятное.

Телега тронулась. Саломатин лежал на мягкой соломе, но все равно каждая кочка отзывалась болью в ране. Он оперся на руки и привалился спиной к борту. Стало легче. Колонна пленных вошла в город и зашлепала по главной улице Города. Этой дорогой их вели сюда к мучительной смерти, теперь они возвращались. К удивлению комбата, уполномоченный не шагнул во главе строя, а держался позади, рядом с вооруженными дядьками. Бойцы шли через город как бы без конвоя. Посреди улицы. Редкие прохожие жались к заборам, в окнах мелькали любопытные лица. Они прошли мимо бывшего здания райкома партии, над которым теперь реял флаг со свастикой. Солдатские ботинки громко стучали по булыжной мостовой. Постепенно стук стал сменяться шарканьем, колонна замедлила ход. Уполномоченный побежал вперед, что-то крикнул, бойцы пошли живее. Город скоро кончился, они миновали немецкое охранение на окраине (солдаты проводили их любопытными взглядами) и потащились по пыльной грунтовой дороге. Люди шли все медленнее, несмотря на уговоры уполномоченного. Многие отставали, и скоро обе телеги были облеплены с обеих сторон: люди держались за борта, оглобли. Саломатин слышал вокруг запаленное, хриплое дыхание.

– Чуть-чуть осталось! – ободрял осыпшим голосом уполномоченный. – Потерпите до поворота! Надо, чтобы немцы не видели!

«С какой стати он боится немцев?» – удивился Саломатин, но тут дорога и в самом деле повернула и стала спускаться вниз. У подножия склона Саломатин увидел скопление людей и телег. Внизу их тоже заметили. Люди зашевелились и вдруг побежали навстречу. Саломатин неожиданно понял, что это женщины – десятки женщин в полотняных платьях и выгоревших платочках. С воплем и плачем они хватили под руки его бойцов и тащили их вниз. Там усаживали у телег, совали в руки миски, кружки...

– Семен! – услышал Саломатин рядом голос уполномоченного. – Закормят до смерти! Они же голодали! Пусть хотя бы сало не дают!..

– Сделаем, Ефимович! – ответил поджарый дядька с винтовкой на плече и побежал вниз. К телеге подошла красивая черноволосая девушка с большой сумкой на плече.

– В первую очередь, Соня! – сказал уполномоченный, указывая на Саломатина. – Ранение в шею, совсем плох...

Вдвоем с девушкой они сняли комбата с телеги, уложили на обочине. Девушка размотала грязный бинт на шее Саломатина, нахмурилась и полезла в сумку. В руках ее оказался шприц, Саломатин почувствовал острую боль, и шея стала неметь. Шприц в руках девушки сменился скальпелем, Саломатин почувствовал, что шею как бы ожгло, а затем боль ушла. Что-то теплое побежало по его плечу. Уполномоченный приподнял комбата за плечи, врач смазала рану йодом и забинтовала.

– Держи, командир! – сказала она, кладя в ладонь Саломатина тупоносую автоматную пулю. – Детям будешь показывать!

Соня ушла, сделав еще один укол. Саломатин ощутил, как жар уходит из его тела, и ему внезапно до невозможности захотелось есть. Его словно услышали. Появившаяся неизвестно откуда женщина сунула ему в руки глиняную миску с вареной картошкой, поставила рядом кружку молока. Картошка была холодной, но невероятно вкусной. Как и молоко. Саломатин съел все в один миг, поставил на землю миску. Он хотел посмотреть, что происходит внизу с его бойцами, но не смог. Веки его заскользили вниз, он ощутил, как валится на спину. Но не упал. Чьи-то сильные руки подхватили его, и комбат уснул до того, как его отнесли к телеге.

6

– Передай салатик! – попросил Пищалов.

Крайнев взял чашку, стоявшую справа, поднес к глазам.

– Консервированный тунец. Не советую. Гадость!

– Это вам гадость! Нам в самый раз! – не согласился Пищалов, отбирая чашку.

В подтверждение своих слов он вывалил салат на тарелку и стал яростно поглощать.

Крайнев только головой покачал:

– Инка не кормит?

– Она давно не кормит! – промычал Пищалов набитым ртом. – В прямом и переносном смысле. Третий месяц в прихожей сплю.

– Так плохо? – покачал головой Крайнев.

– Хуже не бывает! – подтвердил друг, отхлебывая из бокала. – На развод подала... –

Пищалов вздохнул и потянулся к бутылке.

– Не налегай! – предостерег Крайнев. – Второй бокал. Заметят – кандидат на увольнение.

– Ну и пусть! – с бесшабашной бравадой сказал Пищалов. – На наш век банков хватит!

Крайнев вздохнул. Он потихоньку огляделся – никто не смотрел в их сторону, никто не прислушивался. Корпоратив был в разгаре. Стоя за десятком длинных столов в летнем театре, чокались, жевали и галдели сотни сотрудников центрального офиса и посланцы из отделений. Галдеж заглушала разбитная музыка: на сцене плясала в сарафане «а-ля рюс» самая популярная певица псевдонародного жанра – правление российской дочки угождало вкусам немецких хозяев. Певица разогревала публику – ожидалось выступление председателя правления материнского банка, прилетевшего из Германии по случаю праздника. Народ торопливо поглощал закуски. Начнется торжественная часть – не пожуешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.